

Буквально два слова до того

Первое. Это просто сказка. Хотя и с тайным смыслом. Иногда хочется чего-то такого. Душа просит. И почему бы не пойти ей навстречу?

Я подумала и пошла.

Второе. Чтоб отвести от себя подозрения в безграмотности, а также чтобы не путаться в понятиях, устанавливаю для себя следующий порядок написания: баба-яга, змей-горыныч, леший, кикимора, кощей-бессмертный и прочее с маленькой буквы—это когда имеется в виду должность или профессия.

А вот если с заглавной—Баба Яга, Змей Горыныч, Леший, Кикимора... то это уже имена собственные либо прозвища.

Всё.

Часть 1

Пансионат и его обитатели

.....

Птица Гамаюн прилетела в полночь. Она прилетела и сказала:

— Всё будет хорошо!

И почему-то ей сразу поверили. Хотя всем ведь было понятно: ничего хорошего нет, и взятыя ему неоткуда. Это даже не смешно...

Но начинать надо бы не отсюда, а издалека. Может быть, даже совсем издалека.

1. Как в том анекдоте

Его все, я думаю, знают. Тот старый добрый анекдот. Про богатыря, который на змея-горыныча пошёл. Там ещё пещера такая была, чрезвычайно вонючая. Помните, да? Богатырь сразу подумал, что здесь объект его охоты как раз и проживает. И, соответственно, кричать стал, звать нечистую силу на битву праведную: «Эй ты, гад ползучий, выходи!» А тот ему в ответ типа: «Сам выходи, а то залез, понимаешь, ко мне в...»

Дальше продолжать не буду, чтоб без грубости: о чём речь, и так ни для кого не секрет. Равно как и поучительный философский подтекст тоже не тайна за семью печатями. Если двумя словами, то вывод такой: следить надо за борзиметром, чтобы не зашкаливало.

Вот и в нашей истории всё очень похоже.

Надумал, стало быть, сильно могучий русский богатырь по имени Ариэль на змея-горыныча войной идти. Зачем? Известное дело. Во-первых, чтобы удаль богатырская зря не пропадала. А во-вторых... ну сами посудите, кого ж ещё воевать, если не чудо-юдо заморское? В своём-то дворе нашего героя сроду никто не боится.

И опять же—слава.

Словом, собрался наш искатель приключений на скорую руку в дальнюю дорогу. Коня подходящего о ту пору поблизости не случилось, так что он пешком пошёл.

Шёл, шёл... Всё утро шёл. И весь день. И ещё весь вечер. А потом вдруг наступила ночь. Темно стало.

Ко всему в придачу молнии засверкали, гром загредел. Дождик по листьям берёз и тополей барабанить начал, того и жди—ливанёт как из ведра. Надо укрытие искать. От непогоды. А то ведь и промокнуть недолго, насморком заболеть.

Вдруг откуда ни возьмись на пути богатыря—пещера. Большая такая. Просторная. Очень вовремя она взялась, ничего не скажешь. Только из неё, я дико извиняюсь, пахнет.

Однако делать нечего, от грозы прятаться надо...

2. Пансионат Софьи Ивановны

Нет, неправильно это. Какая-то смехопанорама получается. А история моя достаточно серьёзная, местами даже грустная. Поэтому начать надо бы так.

Что такое дом престарелых, все знают? В двух словах—ничего хорошего. Примерно как дом малютки. И в первом, и во втором живут те, кого бросили. Потому что—никому они не нужны...

Помимо государственных учреждений, бывают ещё и частные пансионаты. Там, я думаю, жизнь немного повеселей. Но это в том случае, если найдётся кому за тебя заплатить. А если некому?

Но правил нет без исключений. И вот однажды (неважно когда) появился (неважно где) пансионат под названием «Калинов мост».

Представьте себе маленький зелёный островок: с одной стороны—небольшая река Смородина, с другой—чистейший ручей, за ним—симпатичный лесок и гора, тоже очень красивая, хоть и чересчур, может быть, крутая. Через речку Смородину

перекинут мостик с резными перилами. От него и название пансионата. Потому младенцу ж понятно, что если река — Смородина, то мост через неё — всенепременно Калинов. Это в любой сказке можно прочитать.

Вначале заведение хотели назвать простенько, с тонкой лирической ноткой: «Божий одуванчик». Тем более что симпатичных этих растений вокруг — море. По весне как зацветут — кажется, солнце отражается в траве. А чуть позже, когда лимонно-жёлтые соцветия превращаются в маленькие пушистые шарики, — будто белое облако спускается на землю.

Но подумали, назвали «Калинов мост». Так солиднее.

Внешне пансионат выглядел обыкновенно: не большое каменное одноэтажное сооружение с облупленными барельефами на фронтонах. В советское время здесь располагался заштатный санаторий на пару десятков мест. Потом строение пришло в негодность. Даже на частичное его восстановление ушло немало сил и денег. Но оно того стоило.

У каждого обитателя пансионата — своя отдельная комната с приятным видом из окна. Обставлено без изысков, но очень уютно: кровать, шкафчик, столик, кресло, коврики, салфеточки, статуэтки...

Было и несколько общих комнат.

Во-первых, столовая: светлая, на окнах — цветы, на стенах — яркие картинки, под потолком — люстра.

Во-вторых, «Клуб». Большой телевизор, видео-проигрыватель, куча дисков... Здесь играли в шашки, в шахматы, в домино, в карты и в лото. Старушки вязали носки и шарфики, старики спорили о политике.

Так как на оплату проживания уходила только часть пенсии, то остальное можно было использовать по собственному усмотрению. То есть съездить в город, что-нибудь себе купить для души. Сходить в театр, на концерт. Или в гости с букетом цветов и тортиком.

Питание в пансионате тоже на высоте. Причём предлагается на выбор: хочешь — сам стой у плиты, жарь, парь, стряпай; а хочешь — делай заказ, и тебе старшая дочь Софьи Ивановны, рыжеволосая красавица Люба, всё приготовит.

Хороша Любаша — глаз не оторвать: античная фигура, воздушная походка, лицо ангела. Голос нежный, один раз услышишь — до смерти не забудешь.

Всего у Софьи Ивановны три дочери.

Средняя дочка, Верочка, организует досуг: прогулки, оздоровительные мероприятия, праздники... Она не так красива, как старшая сестра. Черты лица правильные, но, как бы это сказать... жестковаты, что ли. Выдают сильный характер. Тёмно-каштановые жёсткие прямые волосы коротко подстрижены. Глаза синие, строгие.

А у младшей, Надюшки, глаза зеленовато-карие, волосы светлые, мягкие, стекают по плечам, голос тихий, как лесной ручей. Она больше по медицинской части.

Сама же Софья Ивановна высокая, статная. На вид лет сорок, не больше. Чёрная, ниже пояса, коса обычно уложена короной вокруг головы. Глаза добрые, чуть печальные. Точнее — задумчивые. Такое ощущение, будто знает она про эту жизнь много такого, о чём другие не догадываются.

3. Как в том анекдоте (продолжение)

Идёт богатырь Ариэль по пещере, мобильным телефоном вместо фонарика сам себе подсвечивает.

И вдруг его осенило, можно сказать — офигенно: а ведь не иначе это жилище самого змея поганого и есть? Не зря же так воняет.

«Ох ты, — думает, — как всё удачно складывается! Сейчас сразу два дела проверну: и от непогоды укроюсь, и змея заколбасю... ну, или заколбашу... В общем — как получится...»

То есть какие-то сомнения в душу богатырскую всё-таки закрались. Потому — неизвестно ведь наверняка, кто кого заколбасит? Это только в сказке добро всегда побеждает зло, а в реальной жизни бывает и наоборот. Ещё как бывает!

Сбавил богатырь скорость, помедленней пошёл.

Тем паче что фонарик вдруг сломался, светить перестал: может, батарея в телефоне села? А в пещере темно, ничего не видно. Ни дороги, ни змея-горыныча.

Как быть?

«А дай-ка я покричу!» — догадался богатырь.

И покричал. Сперва осторожно, без фанатизма: — Ау-у... Есть тут кто-нибудь?..

Тишина.

«Ага, — радуется добрый молодец. — Одно из двух: или змея дома нет, или он меня сам боится!»

Покричал настойчивей. Уверенней.

— Эй, чудо-юдо! Если ты здесь — выходи: тебя русский богатырь вызывает. На честный бой, между прочим.

Опять никто не отвечает. Юноша обрадовался, что называется, приборзел:

— Ну, ты, змеюка поганая! Выходи, говорю, биться, пока я добрый!

Тут кто-то совсем рядом громко зевнул. Потом потянулся так, что камни с потолка посыпались, и спросил сонным голосом:

— Пацан, ты на часы смотрел?

4. Часовщик

Теперь самое время рассказать про тех, кто проживал в этом сказочном пансионате.

Начну с самой странной и загадочной личности. Некто Часовщик. Высокий, сухопарый, седой старик. Глаза — как два провала, чёрные,

равнодушные. На левом запястье старый шрам в форме серпа или полумесяца.

Замкнут и неразговорчив. Из своей комнаты практически не выходит. А тот, кому довелось заглянуть в его каморку, был поражён количеством различных хронометрических механизмов: тут и огромные напольные часы, и крохотные ручные, и ходики на всех стенах висят разные—с кукушками и без. А кроме того—куча песочных часов. И даже водяные есть (это чудо техники называется «клепидра»). А уж будильников сколько! И что характерно: всё вроде бы тикает, маятники туда-сюда болтаются, а время на всех циферблатах—разное. Ну совершенно! Ни минуты не совпадают, ни часы. А кое-где так и вообще стрелок нет. Или наоборот—одни стрелки на пустом круге, без всяких делений.

Жил он здесь дольше всех—очевидно, с самого открытия. Потому остальные обитатели «Калинова моста» не имели ни малейшего понятия о том, кто он такой, этот Часовщик, и откуда взялся. Хозяйки пансионата на вопросы о таинственном обитателе комнаты с видом на север почему-то отвечать не любили. Деликатные и воспитанные пансионеры в конце концов решили так: пусть это будет тайна, покрытая мраком. Так даже интереснее.

5. Жуть в пещере

— Пацан, ты на часы смотрел?

— А?

— Чего непонятно? Я спрашиваю: ты с головой принципиально не дружишь?

Богатырь от неожиданности чуть... В общем, малость опешил.

— А т-ты?

— Что я?

— Ну, это... д-дружишь?

— С головой, что ли? Так это смотря с которой. Если с шестой—то нет. Мы с ней уже неделю в контрах.

— Шутим, да?—сам не зная зачем спросил богатырь.—Типа—остряк доморощенный?

— Почему доморощенный? Я вообще-то в диком поле вырос.

— Оно и видно...

Богатырь врал: ничего видно не было. Темнота стояла жуткая. И от всей этой жути зубы начали произвольно лязгать друг об дружку: цок-цок-цок...

— Ты на коне, что ли, приехал?—заинтересованно спросили из темноты, но уже почему-то другим голосом.

— Не... я п-пешком...

— А кто тогда тут цокает?

— Н-не знаю...

— Это он нас боится,—хототнул третий голос.—Вон и з-з-заикается начал. Бедняжка.

Тогда четвёртый предложил очень серьёзно:

— А давайте съедим его. Из гуманных соображений. Чтоб не мучился!

— Может, не надо?—осторожно спросил богатырь. И на всякий случай пообещал:—Я больше не буду...

6. Дядь-Лёшка

В одной из комнат, выходящих на восток, проживал простой, настежь открытый и отзывчивый на чужие горести и проблемы Дядь Лёшка. Именно так. Ни дядя Лёша и ни Алексей как-нибудь там по батюшке. Свои отчество и фамилию он вообще сообщать отказался. Объяснил так:

— Ну не помню я уже, ёлы-палы. Да и ни к чему. Сами подумайте: на кой ляд старому отставному лешему отчество? Тем паче—фамилия!

Дядь Лёшка и вправду был лешим в отставке. Всю свою долгую жизнь он прослужил егерем в заповеднике. Сначала помогал отцу. А как отца не стало—сменил его на этом трудном и опасном поприще.

Браконьеры—народ серьёзный. Сколько раз Дядь Лёшке обещали: «Ну ты дождёшься, урод! Мы твою избёнку-то подпалим, пса твоего облезлого вздёрнем на первом суку, а тебе все кости переломаем, башку проломим и с обрыва в реку скинем!»

Обещанное выполнялось, и не раз. И верного пса убивали. И самому кости ломали. И избу палили.

Пока молод был—восстанавливал всё, как мог. Раны заживали. Изба отстраивалась заново. А там, глядишь, и собачонка какая-нибудь прибьётся... Погрустишь о старом друге, а потом и к новому прикипишь. Одному—плохо.

Но с последним погромом понял: это всё! Нет больше сил бороться. И жить дальше—смысла нет.

При свете догорающей избы прислонился спиной к берёзе, положил на колени мёртвую голову Грозного, закрыл свои слезящиеся глаза и стал ждать конца.

Тут его и нашла Софья Ивановна.

Показалось, что это ангел спустился с неба на крыльях. Подумал: «Ну вот она и пришла, моя смерть...»

Дёрнулся было навстречу. И тут же потерял сознание от острой боли.

Через пару недель раны совершенно зажили, кости срослись, ибо руки у дочерей Софьи Ивановны такие, что назвать их золотыми—только обидеть. Волшебные руки. Да, вот так правильнее будет.

Постепенно раны душевные тоже стали зарубцовываться. А тут ещё и новый сосед образовался.

7. Жуть в пещере (продолжение)

— Отстаньте уже от человека!—недовольно зевнул ещё кто-то из темноты.—Он—больше не будет, сколько вам повторять!

Вот тут и понеслось на разные голоса:

— И мы—не будем...

— Не будем мы его есть, пока...
— ...пока с названием блюда не определимся...
— Факт!
— Тебя как зовут-то? Эй!

— Ответа не последовало. А кому ж захочется быть поданным к обеденному столу под своим собственным именем вместо соуса?

— А, я понял: это Иван-дурак!—предположил кто-то.

Тут богатырь сильно разозлился сам на себя за свой позорный страх. Завопил что было мочи:
— Хотите сожрать—жрите! А обзывать-то зачем?

— Обиделся,—грустно констатировал голос, до сих пор молчавший.

А другой переспросил:

— Не понял. На что обиделся-то? На Ивана, что ли?
— Ну не на дурака же. На правду кто обижается?
— Ясен пень!

— Значит, это Илья Муромец?

— Или Добрыня Никитич.

— Да нет же, говорю вам—это Алёшка Попович, можете даже не сомневаться. Я его всегда по запаху определяю.

— В смысле, он чё... уже—ага? От остроты ощущений, типа?..

— Ну что ты! От него же ладаном и миррой благоухает. Во, чуешь?

— Не, я не очень как-то... Насморк у меня...

8. Господин Никошев

Новый обитатель пансионата появился примерно через неделю после Дядь Лёшки. Забавный такой. Плюгавенький, на тонких ножках, животик—как пивная бочка. И шибко сердитый. А уж апломбу!

Он, в отличие от бывшего лесника, назвался строго по фамилии:

— Господин Никошев.

Вот так. Ни больше, ни меньше.

Дядь Лёшка, простая добрая душа, улыбнулся приветливо, головой кивнул, спросил:

— Никоша, значит?

В ответ на такую возмутительную фамильярность господин Никошев метнул глазами две страшных молнии и прорычал громоподобно:

— Я тебе, старый болван, никакой не Никоша! Запомни это, и детям своим, и внукам передай!

— Непременно передам,—не стал спорить покладистым по природе Дядь Лёшка.—И обязательно запомню. Так, значит, говоришь, не Никоша? Тогда по логике вещей что получается? Коша?

Надо ли говорить, что молнии из глаз этого самого Коши засверкали с удесятерённой силой? Но Дядь Лёшка за свою долгую жизнь привык не бояться грозы. Эка невидаль! Погремит, погремит да и перестанет.

История господина Никошева оказалась печальной. Почти как у короля Лира.

То есть сначала-то всё было хорошо, просто замечательно. Счастливое пионерское детство. Комсомольская юность. И почти сразу—руководящие должности в райкоме: сначала—в комсомольском, а потом уже и в партийном. Грянула перестройка—тоже не беда. Сразу попал в струю: партбилет на стол, и—вперёд, на строительство нового светлого капиталистического будущего! Развернул собственный бизнес (благо было из чего начинать, спасибо приватизации!). Ума, энергии и предприимчивости хватало с избытком. Комсомольскую, партийную и общечеловеческую совесть, слава Богу, упразднили как пережиток проклятого социализма. Жить стало легко и свободно.

В общем, постепенно сколотился кое-какой нехилый капиталец. Квартира в центре города. Машина. Дача на берегу моря. Яхточка. Всё как положено. Женился. Детей, правда, родить не получилось. Ну, это не так страшно: усыновили двух племянников, круглых сирот. Вот и доброе дело. Глядишь, на Божьем суде—зачтётся.

Мысли о Боге в последнее время стали посещать его всё чаще, всё настойчивее. Лежит, бывало, господин Никошев ночью, когда не спится, глядит в тёмный потолок и думает: «А вдруг Он и вправду есть? Чем, как говорится, чёрт не шутит?..»

После внезапной смерти жены и вовсе. А тут ещё у самого сердце пошаливать стало. Как прижмёт—свету белого не видно. Уж и скорую вызывали, и в больнице лежал.

Мысли опять же: «Вот умру завтра—и что с бизнесом? И как мои мальчишки всё меж собой поделить сумеют? Передерутся же. Ещё и поубивают друг друга, Боже сохрани! Нет, с этим надо что-то делать!»

И сделал. Не дожидаясь смерти, расписал поровну всё своё имущество движимое и недвижимое, включая бизнес.

Наследникам сказал:

— Стар я стал. Устал от этой жизни. Моё время—прошло, ваше—наступило. Дерзайте, продолжайте мною начатое. А я... я отдохнуть хочу. Заслужил, поди?

Сыновья, разумеется, тут же в голос:

— Заслужил, батя, а то как же! Базара нет!

Устроили по такому случаю банкет. Заказали самый дорогой ресторан. Выпивка, закуска—всё как положено!

И как, и с чего вдруг понеслось? Нет, не вспомнить уже...

Слово за слово—поссорился господин Никошев со своими приёмными сыновьями. Он стал кричать что-то типа: да вы, мол, за свою жизнь палец о палец ни разу не ударили. Привыкли жить на всём готовеньком.

Парни, в свою очередь, ответили, что как он был гадом, так гадом и остался. И жену в могилу

свёл, и им, детям, хоть бы раз доброе слово сказал, по головке погладил!

Тот попытался, конечно, объяснить в категорической форме, что некогда ему было чьи-либо головы оглаживать. Дело надо было делать, деньги зарабатывать.

А сыновья на это ответили: да знаем мы, дескать, твои дела—воровать да рабочих обманывать!

Вот тут господин Никошев не выдержал. Сказал твёрдо:

— Всё! Передумал я. Завтра же все дарственные обратно разверну, ни копейки вам не дам! А зачем вам, таким честным и правильным, моё богатство, нажитое воровством и обманом?

Братья сообразили, что заигрались, языки прикусили. Потом сделали вид, что раскаиваются: — Батя, прости дураков! Чего спьяну не брякнешь? Мы же тебя любим как родного. У нас же кроме тебя—никого на всём белом свете!

Ну и, как водится,—на мировую. Выпили по рюмочке. Выпили по две. Господин Никошев и не заметил, как отключился.

Очнулся в совершенно незнакомом месте. Без денег, без документов. В каком-то бомжовском тряпье. Мобильного телефона тоже, разумеется, нет.

Первым делом пошёл в милицию, заявил: — Я известный бизнесмен. Будьте любезны, верните меня к себе. За хорошее вознаграждение, разумеется.

Весь участок хохотал минут примерно двадцать. А потом погнали беднягу вшаей:

— Иди, дедуля, домой, спи. Бабка, поди, с ног сбилась.

— Ах вы! Да я вас!..

В общем, усадили буяна в «обезьянник». Там он притих, сник. Сидел тихонько, всхлипывал и всё просил дать ему мобильник на минутку.

На счастье, попался сержант лейтенантик, совсем зелёный, от суровой нашей действительности ещё не огрубевший. Согласился позвонить по указанному телефону. Там ответили, что господин Никошев вместе с сыновьями улетел на Канары. Когда вернётся—неизвестно.

Тут уж бедняга окончательно вышел из себя: — Ах вы, твари купленные! Всё вы врётё! Пустите, я сам!

Сначала хотели морду набить бузотёру, для успокоения. Потом подумали: а ну его! Видно же, что старичок не в себе. Вывели, поддали коленом под зад:

— Дедуля, ещё раз здесь увидим—расстреляем без суда и следствия!

От такого унижения... от такой кошмарной безысходности подобрал господин Никошев на дороге кусок верёвки, привязал к ней камень и пошёл топиться.

Вот тут-то его и повстречала Софья Ивановна.

9. Жуть в пещере (окончание)

Голос из темноты радостно завопил:

— Лёха, ты что ли?

Другой поддержал:

— Проходи, гостем будешь!

А третий удивился:

— Чего молчим?

— Потому что это не я,—ляпнул богатырь, не подумавши.

— Как это?—не понял четвёртый.—А кто тогда? Котлета по-киевски? Или сосиска в тесте?

Богатырь со страху совсем потерял голову. Выкрикнул вдруг дерзко, неожиданно для себя:

— А ты сам кто такой?

— Я?—удивился голос.—Змей Горыныч вообще-то. О шести головах. А тебе кто нужен?

Наступила тишина. Она висела довольно долго. Наконец прозвучало неуверенное:

— А я никого из вас не боюсь. Я, может быть, сам—страшный...

Опять стало тихо. Потом поступило предложение:

— Давайте уже свет включим, что ли? Интересно же посмотреть на этого страшного. Вдруг и правда—испугаемся?

— Давайте. Кто у нас сегодня зажигает?

— Чур, не я!

— И не я. Не хочу свою внутреннюю энергию расходовать по пустякам.

— Ах, нет в душе того огня, но только дым, туман и сажа!—нараспев продекламировал кто-то.

— Эй ты, поэт хренов. Смотри и учись, пока я жив!

Послышался громкий выдох. Полетели искры. Которые моментально погасли.

— Спички купи, поджигатель!

— Умный, да? Сам ничего не можешь, кроме как золотые коронки скалить!

— Кто? Я не могу?

— А, что ли, можешь?

— Ну не могу...

Наконец кто-то сердито сказал:

— Достали, придурки. Натё вам.

Вырвалось пламя. Вспыхнул факел. Стало относительно светло.

То, что богатырь увидел перед собой, превзошло все его ожидания. Он затосковал в душе и подумал: «Уж лучше бы и дальше было темно...»

Огромная скала, покрытая чешуёй, с любопытством смотрела на него своими шестью ласково улыбающимися головами...

10. Эверестович

Четвёртый жилец поселился в комнате с окнами, выходящими на юг. Назвал себя он полностью, как в анкете: Аспиданский Серпансион Эверестович.

— Даст же Бог имечко!—сочувственно покачал головой Дядь Лёшка.

— Бог здесь ни при чём, — резонно возразил вновь прибывший. — Давать имя человеку — это прерогатива отца и матери.

— Ах ты ж, твою под ёлку! А они у тебя кто, если не секрет?

— Мужчина и женщина. Папа — мужчина, мама — женщина, — спокойно и терпеливо, как любознательному школьнику, взялся объяснять Серпантион Эверестович. — По-другому дети не рождаются. — Спасибо, просветил, — хмыкнул отставной леший. — А ты у нас, часом, не профессор биологии? — Нет. Это мой папа был биолог. И не профессор, а академик. Серпентолог. Змей изучал. Серпентология — наука о змеях. Так понятно?

— Ну, если в общих чертах... Так вот, значит, откуда у тебя имечко-то произрастает?

— Именно отсюда. Это папина идея, он решил меня так назвать — Серпантион.

— Понятно, понятно. По-русски получается — змеюка.

Новенький неопределённо пожал плечами:

— Можно и так сказать...

— Вот я и говорю... Я что, собственно, говорю: змея — она ведь змея и есть! Над чем тут целому академику голову ломать? Или это шутка была насчёт папашиного учёного звания?

— Никаких шуток. Аспиданский Эверест Сидорович весьма известен в своих кругах. У него даже книга есть. Небольшая, правда. Но — своя.

— Своя — это хорошо, — одобрительно закивал Дядь Лёшка. — Сам написал — сам же и почитал на досуге. Но я что спросить-то хочу, да всё стесняюсь: а дедушка у тебя кем был? Альпинистом, академиком или шибко большим начальником? — Почему начальником? — не понял новенький. — Известное дело. Начальник — это шишка. Бугор. А самый высокий бугор на земле как называется? Вот то-то! Чем не имя для любимого сыночка — Эверест?

— Нет, мой дедушка был простым учителем. Преподавал географию в сельской школе. Аспиданский Сидор Иванович.

— Ну, слава те Господи, пошли-таки, наконец, уже нормальные человеческие имена, — обрадовался Дядь Лёшка. — А то я уж подумал...

— Подумали что? — напрягся в душе Серпантион Эверестович.

Дядь Лёшка ответил вопросом:

— А сам-то ты в каком звании? Тоже, поди, академик?

— В прошлом — профессор. Историк. А точнее — преподаватель истории в столичном университете одного из сопредельных государств.

— Ух ты, башковитый какой! Так, выходит, мне на тебя снизу вверх глядеть надо, рот открывши от уважения?

— Это совсем не обязательно, — заскромничал профессор. — Тем более что было оно, можно сказать,

в прошлой жизни. А потом... потом я был никем... Буквально до вчерашнего вечера... пока меня не подобрали эти волшебные женщины.

— Понятно, — сочувственно развёл руками Дядь Лёшка. — В том сопредельном государстве история больше никому не нужна? Правильно я говорю? — Увы. Сию вредную для национального сознания простых граждан науку упразднили и заменили на... Нет, я даже не хочу произносить этого вслух. — И не произноси. Лучше давай подумаем, как мне тебя, профессора, звать-величать попроще и чтоб не обидеть?

— Вообще-то я не обидчивый. Ну, скажем, так: Серпантион Эверестович. Можно и просто по отчеству, чтоб без церемоний.

Дядь Лёшка почесал затылок:

— Я вот что подумал: гора — она гора и есть, сколь бы там в ней километров росту не насчитывалось. А коль скоро Эверест — гора, то будешь ты у нас — Горыныч. А? Хорошо ведь? И язык не сломаешь! — Ну ладно, — без энтузиазма, но и без особого сопротивления согласился Серпантион Эверестович. — Если вам так проще...

— И давай уже на «ты». А то я человек простой, от земли, так сказать, от природы.

— А, давай! — профессор махнул рукой и как-то сразу преобразился, расслабился, сделал выражение лица попроще и улыбнулся — широко, от уха до уха. — Я надеюсь, мы найдём общий язык? Тем паче что исторически все европейские языки произошли от санскрита, то есть имеют один общий корень, а язык восточных славян ближе всего к оному, а стало быть...

Но Дядь Лёшка перебил:

— И головастый же ты мужик, Горыныч: чё говоришь — сам не догоняешь. Не говоришь — песню поёшь: так бы слушал и слушал!

11. Головастая гора

— Ух ты какой! — радостно сказала гора.

— Ни капельки не страшный.

— Красавчик!

— И вку-усный, поди...

— А то!

Богатырь окончательно сомлел. И это, надо полагать, стало заметно, потому что одна из многочисленных голов наклонилась поближе к его уху и прошептала почти интимно:

— Да не едим мы людей. У нас диета.

— Заткнулись все! — строго распорядилась самая авторитетная голова. — А ты ответь: на Калинов мост тебя каким сквозняком занесло?

— К-к-куда?

— С-с-сюда, — передразнила голова.

Ариэль на всякий случай огляделся, пытается понять, где этот мост и зачем он ему нужен. Однако ничего не увидел, кроме крошечной тьмы вокруг.

— Чего смущаешь нашего дорого гостя? — хихикнул кто-то. — Не, пацан, никого не слушай. Калинов мост чуть дальше. Ты до него ещё не дошёл. А здесь у нас база отдыха. Спим мы тут. А ты чё, в натуре не знаешь, куда шёл?

Тут богатырь вдруг решил, что коль скоро его есть не будут, так и бояться особо нечего. Потому он собрался с духом, кашлянул в кулак и заявил, почти не заикаясь:

— Куда надо, туда и шёл!

— А куда надо?

— Я сам знаю куда!

Кто-то заботливо посоветовал:

— Если по нужде — то это за угол, направо.

А главная голова качнулась и продолжила допрос:

— Так чего ты хотел-то?

— Известное дело: постоять...

— В каком смысле «постоять»? Вообще-то у нас тут не постоялый двор.

— Не, ну я... хотел постоять... за это...

Нужные слова куда-то вдруг все подевались. Так бывает.

— Просто фонтан красноречия, бьющий из-под земли! — Змей Горыныч начал терять терпение. — Может, тебе по башке дать?

— Не... не надо по башке. Я всё скажу. Постоять хотел... за это... вспомнил: за правое дело!

Повисла одобрительная тишина. Потом одна какая-то, наверное, самая наивная голова спросила:

— А за левое? За левое — не хочешь... постоять?

Богатырь слегка озадачился: такая постановка вопроса застигла его врасплох.

— Нет. В книжке написано: «постоять за правое дело». А про левое там ничего не было...

— На заборе тоже пишут, — резонно заметила главная. — Думать не пробовал?

Тут богатырь почему-то сильно расстроился:

— Это как?

— Не знаю, не знаю... — развёл руками Змей Горыныч. — Некоторые головами думают. Мы, например. А диплодоки, так те, я извиняюсь, этой самой... В общем, у них все мозги к заднему отделу позвоночника сдвинуты.

— Ага. Потому они задним умом сильны, — пояснила какая-то из голов и на всякий случай уточнила: — Очень!

— Так что ты сам решай: чем думать, зачем, и главное — о чём.

Увидев растерянную физиономию богатыря, все головы дружно, по-лошадиному, заржали.

Ариэлю захотелось провалиться сквозь землю. Или хуже того — сесть и заплакать. Не, ну нормально, да? Он же, в конце-то концов, сюда биться пришёл, а не насмешки терпеть!

И тут вдруг у него во внутреннем кармане куртки зазвонил телефон.

12. Красотку привезли

— Пацаны, а к нам девчонок подселять начали! — сообщил запыхавшийся Дядя Лёшка.

— В каком смысле? — захотел уточнения профессор.

— В смысле — женщину привезли. Жить будет в угловой комнате.

— Красивая?

— Не видал ещё. Пойдём глянем?

— Всенепременно. Лично я уверен: она просто писаная красавица!

— Так идём уже или как?

— Ай, фигня всё это, — зевнул господин Никошев, однако от коллектива отрываться не стал, пошёл вместе со всеми.

Писаная красавица оказалась высокорослой, длинноносой, длиннее, немного горбатой и хромой на левую ногу...

— Разрешите представиться: Серпантион Эверестович Аспиданский, — Горыныч галантно изогнул измученную остеохондрозом спину и протянул свою ладошку лодочкой, дабы принять у новенькой ручку для поцелуя. — Добро пожаловать в нашу тихую обитель!

— Каргашевская Ягвиги Космовна, — в тон ему отрекомендовалась вновь прибывшая.

— А попроще? — вежливо поинтересовался Дядя Лёшка. — Или нельзя?

— Отчего ж нельзя? Можно и совсем просто: бабка Яша, например.

— Ну нет, для бабки вы слишком молодо выглядите, — бессовестно сподхалимничал Эверестович. — Я бы всё-таки предпочёл по имени-отчеству: Ядвиги... как там дальше?

— Только не Ядвиги, а Ягвиги, — осторожно поправила та. — Космовна.

— Кузьмовна? — обрадовался Дядя Лёшка. — Так пойдёт?

— Пойдёт, куда ему деваться, — не стала возражать старуха.

— Вот и славно. А я — Дядя Лёшка. Дядя Лёшка, и всё. Я вообще люблю, чтобы всё — по-простому.

Дошла очередь до Коши. Он сдержанно, чуть высокомерно поклонился своей лысой макушкой:

— Господин Никошев.

— Очень, очень приятно! — новенькая закивала в ответ. — Пани Каргашевская.

Эверестович между тем решил продолжить расспросы:

— К нам какими судьбами?

— О, это целая история. Боюсь, что она покажется вам скучной и не очень весёлой.

— Да у нас тут у всех примерно то же самое, как на подбор. Так что просим, просим, без церемоний!

13. Мама — это святое

— Эй, что там у тебя булюкает?

— Да это в животе у него,— подсказали с левого фланга.— От страха.

Богатырь между тем достал мобильник, удивился:

— Надо же! Только не говорите, что у вас тут ещё и сотовая связь есть!

— Вообще-то у нас есть ВСЁ!— резюмировала главная голова, сильно акцентируя на слове «всё».

— Кроме того, чего нету,— вредным голосом добавила другая.

— А «исотовая связь»— это что?— осторожно поинтересовалась самая любознательная из голов.

— Потом расскажу,— отмахнулся богатырь.— Можно, я сначала маме отвечу? Чтоб она зря не волновалась. Ей нельзя, у неё гипертония.

— Мама— это святое!— дружно закивал всеми своими головами Змей Горыныч.— Маме непременно надо ответить. Отвечай, мы подождём.

— Алё, мама! Мама! Тебя плохо слышно. Погоди, я попробую громкую связь включить— может, так лучше будет?

Из динамика послышались пронзительное шипение, хрюканье, какой-то треск. И вдруг совершенно ясный женский голос обеспокоенно спросил:— Элочка, мальчик мой, ты где?

Богатырь поморщился, будто откусил пол-лимона:

— Мама, я тебя сто раз просил: зови меня по-человечески, а не этим дурацким девчачьим именем!

— И вовсе даже оно не девчачье,— привычно парировала мама.— У тебя очень красивое, мужественное имя.

— Ага. Элочка...

— А что, Васечка или Колечка— тоже девчачьи имена?— не то сердито, не то обиженно спросила трубка, и сама себе ответила:— Эля— ничуть не хуже. Неужели родная мать не имеет права называть своего малыша нежно и ласково?

— Мама, я не малыш!

— Понимаю!— с нескрываемой печалью вздохнул голос из телефона.— Время идёт, дети растут, матери стареют... Да, мой маленький мальчик— вырос. Но только для мамочки он был, есть и всегда будет милым, добрым карапузом, моим маленьким ласковым Элочкой.

Богатырь опять поморщился. Но промолчал.

— Алё, алё!— заволновался голос в трубке.— Сыночек, ты где? Почему молчишь? Что-то случилось? Я до тебя с утра не могу дозвониться!

— Ничего не случилось. Всё в порядке. Просто тут связь плохая, не везде берёт.

— А ты где?

— Да здесь я, здесь... Где мне ещё быть-то?— не зная, что сказать, пробубнил богатырь.

— С тобой там всё в порядке?— обеспокоенность в мамином голосе явно возросла.— Алё, алё, сынок, я тебя не слышу!

— Да, да, мама, со мной всё в порядке,— не очень уверенно соврал богатырь.— Не волнуйся, пожалуйста, тебе это вредно.

— Как же я могу не волноваться?— обиделась мама.

— Со мной всё нормально. Всё хорошо. Честное слово! Ну хочешь— поклянусь!

Тут голос из трубки сделался недоверчиво строгим:

— Ариэль! Я тебе не верю! Я всегда чувствую, когда ты говоришь маме неправду! Мальчик мой, ты попал в беду? Тебя поймали хулиганы? Они тебя били, обижали?

— Мама, никто меня не обижал. Со мной всё хорошо, просто замечательно!

— Вот ведь!— жалобно возмутилась мама.— Посмотрите на него: врёт и не краснеет!

— Ну почему сразу не краснею?!— в отчаянии выпалил богатырь.— Ты же меня сейчас не видишь.

И сам сообразил, что ляпнул что-то не то.

— А мне и не надо ничего видеть. Мне материнское сердце всё подскажет и всё покажет.

Голос у мамы стал звонким, как натянутая струна.

Змей Горыныч, до сих пор слушавший молча, не выдержал, удивился вполголоса:

— Эй ты, как тебя там?... Это ты натурально с мамой базаришь?

— Тише!— зашипел богатырь.— Конечно, с мамой, а то с кем же?

Очевидно, мама что-то услышала, заволновалась ещё больше:

— Эленька, родной, кто там с тобой рядом?

— Мама, ну что ты вечно выдумываешь? Никого тут нет, один я...— опять соврал богатырь Ариэль, совершенно не представляя, что ещё можно сочинить, чтобы успокоить любимую родительницу.

И тут связь неожиданно оборвалась. Телефонная трубка жалобно пискнула, хрюкнула и замолчала.

14. Печальная история бабки Яши

В паспорте у неё было написано так: Каргашевская Ягвиг Космовна. Воистину, даст же Бог имечко!

А когда-то было ещё противней— Ядвига. Непонятно— то ли от слова «яд», то ли от глагола «двигать». Куда двигать? Кого? И главное, зачем?

Назвали девочку в честь её польской прабабушки, которую та ни разу в глаза не видела. Даже на фотографии.

Зато отец, Косма Богуславович, обожал рассказывать про свою горячо любимую бабуню (царство ей небесное!) поучительные истории, причём всё время разные, часто взаимоисключающие.

Несмотря ни на какие рассказы, имя своё Ядвига терпеть не могла. И даже стеснялась. Называлась обычно Ясей или Яшей. И всегда в душе сильно обижалась на родителей: ну почему было не называть ребёнка простым человеческим именем? Машенькой, например. Или Верочкой.

При очередном обмене паспорта, уже в суматоху перестройки, Яся сумела каким-то чудесным образом убедить паспортистку, что правильно надо писать Ягвига. Наврала, что там не буква «д», а «г». Они, мол, Каргашевские, родом из Польши. А поляки кириллицей не пишут из принципа. Пишут латиницей. Вот и произошла путаница. Ведь то, что на кириллице «д», на латинице — «г» или даже «ж».

Каким образом паспортистка всей этой околесице поверила — одному Богу известно! Но, как бы то ни было, новый паспорт Яся получила уже с новым именем — Ягвига. Тоже не фонтан, конечно, но всё-таки...

Работая в библиотеке, Яша вычитала в словаре, что имя Ядвига — скандинавского происхождения и означает «воительница». Вспомнилось вдруг, как в раннем детстве она и вправду была сорви-голова. Домой вечно являлась в синяках и ссадинах. Соседи не уставали жаловаться: «Усмирите свою малолетнюю хулиганку, а не то мы примем меры!»

Бедная, бедная мама Галя! Ох и намучилась же она с этой несносной девчонкой, ох и пожалела же, наверное, не раз о том, что...

Правда открылась, разверзлась и оглушила неожиданно. Как гром среди ясного неба.

Стоял ясный, солнечный майский день. Ребята постарше были ещё на занятиях в школе, а они, счастливые дошколята, толкались во дворе, прыгали через скакалки, копались в песочнице. Потом всё это как-то надоело, захотелось чего-то новенького, необычного.

И тут заскучавшая ребятня впервые обратила серьёзное внимание на пожарную лестницу, ведущую вверх, на пятый этаж. Или даже ещё выше — на саму крышу? Снизу это было не очень понятно, потому возник спор. Одни говорили, что да, на крышу введёт лестница. Другие не верили: нет, этого не может быть, уж никак не выше чердака! — А слабо залезть поглядеть? — спросила вдруг Яська.

— Да ну тебя, кто туда ползет? — ответили ей. — Высоко ведь. И страшно.

— Я ползу!

— Ой, попадёт тебе, — с тайной надеждой на приключение выдохнул кто-то.

— И пусть! — гордо и презрительно оттопырила нижнюю губу девочка. — Ну-ка, подсадите меня, а то мне до ступенек не дотянуться.

И она полезла.

Сначала страшно не было. Были азарт и предвкушение победы. Лестница, казалось, уходила прямо в небо, где плавали редкие белые облака, летали голуби и вороны. И сама Яська как будто летела вместе с ними. Ах, ведь это её самая заветная мечта — летать!

Она была уже где-то в районе третьего этажа, когда снизу закричали:

— Яська, слазь, дворник дядя Петя за дяденькой милиционером побежал. Давай быстрее, а то тебя арестуют и в тюрьму посадят!

В тюрьму не хотелось. И хоть жаль было бросать дело на середине, Яська решила побыстрее спуститься с небес на землю.

Она посмотрела вниз. И тут вдруг у неё начала кружиться и голова.

Это было странно, неожиданно и неприятно. Руки и ноги почему-то сделались ватными и почти перестали слушаться. Сознание уплывало. Как в тумане, почти ничего не видя, Яська нащупывала скользкие железные перекладины лестницы и медленно-медленно опускалась. С каждой минутой становилось всё трудней и трудней.

Очнулась Яська в больнице. Очевидно, она всё-таки потеряла сознание и упала вниз. Слава Богу, было уже не очень высоко, так что до смерти не убилась. Отделалась серьёзным сотрясением головы и переломом левой ноги. Тоже серьёзным. Нога эта впоследствии так и осталась хромой, да ещё и страшной — кривой и ужасно тощей. Просто кости, обтянутые кожей. Но ходить можно — и на том спасибо.

Яська помнит, как плакала, стоя на коленях у больницы койки, мама Галя, как умоляла больше никогда так не делать.

Приходил и отец. Внешне он казался суровым и спокойным, но Яська видела по глазам: он тоже очень сильно переживает.

А потом Яську выписали. И она лежала дома одна. То есть мама, разумеется, прибегала проведать дочку каждый раз на большой перемене. Благо школа, где Галина Ивановна работала учительницей литературы, была совсем рядом, буквально в двух шагах. И соседка, тётя Маша, заходила по нескольку раз на день. То есть особо-то ни в чём нужды Яська не испытывала. Вот только скука смертная!

Ну да. Телевизора в доме не было (это в те времена считалось большой роскошью). Репродуктор, конечно, тарыхтел с утра до ночи. Да только там мало интересного для шестилетнего ребёнка. Хорошо хоть читать ребёнок уже умел довольно сносно. Так и лежала Яська в окружении книг. Точнее — полулежала-полусидела.

Самое страшное случилось тогда, когда уже сняли гипс и разрешили немножко ходить по комнате, осторожно, с костылём.

Однажды было совсем скучно. И Яська решила пошариться в письменном столе: а вдруг там отыщется что-нибудь интересное?

Самый нижний ящик, который всегда почему-то запирался на ключ, оказался вдруг незапертым. Яська полезла в него и...

Сейчас уже не вспомнить дословно, что было в той проклятой бумаге, которую Яська тогда нашла. Но из неё следовало, что она, рождённая такого-то числа, такого-то месяца и года — не родная дочь

собственных родителей, а — приёмная. Что взяла ребёнка из дома малышка в трёхмесячном возрасте.

Уж лучше бы она лежала себе дальше на кровати и никуда не лезла! Так больно, так страшно в шесть лет узнать вдруг: ты — приёммыш. У тебя нет ничего из того, что даётся каждому по праву рождения: папа, мама, родной дом... У тебя всё — чужое. Не твоё...

Эта ужасная находка переломила Яськину жизнь, разделив её на «до» и «после». И если «до» она была маленьким сорванцом, счастливым, летящим по жизни очертя голову, то «после»...

Да, именно с этого дня она навсегда сделалась тихой, послушной и даже какой-то безропотной.

15. Светка

— Ну и что там у нас насчёт сразиться? — зевнула одна из голов. — Бум или как?

Ответа почему-то не последовало.

— Чего молчим? Эй, как тебя там... Элочка... Ты готов к труду и обороне?

— Естественно, — каким-то не очень естественным голосом отозвался богатырь. — Готов...

— Оно и видно, — хохотнули сразу две головы. — Можно было и не спрашивать.

— Ну, тогда подождём, пока наш славный воин штанишки поменяет, и, как говорится, начнём, благословясь?

Богатырю от этих слов стало ну совсем уж обидно. Он опустил голову и сердито подумал: «Чего ржать-то? Ну страшно мне. А кто бы на моём месте не испугался живой горы, увешанной головами?» — Так нечестно, — пробормотал он. — Вот если бы на равных...

— На равных так на равных, — великодушно согласился Змей Горыныч.

Что-то в воздухе сверкнуло, зашипело. И вот уже вместо головастой горы на него, нагло вато прищурившись, надвигается обычный человеческий субъект среднего роста. По виду — типичная шпана середины пятидесятих годов прошлого века: помятая кепочка козырьком назад, пиджачишко нараспашку, поношенные брючата в еле заметную клеточку, дымящая папироска в зубах, чуть приседающая, вразвалочку, походка. В общем, не английский лорд, конечно, но в сравнении с тем, что было, — вполне себе ничего.

— Ну и? Какое мы выбираем оружие? Финский нож, кастет или заточку?

Богатырь задумался, не зная, что ответить: если честно — ему не нравилось ни первое, ни второе, ни третье.

Тут снова зазвонил телефон.

— Опять мама? — вежливо поинтересовался бывший змей-горыныч.

(Хотя почему бывший? Внутренняя же его сущность ничуть не поменялась, а внешняя видимость — это дело второстепенное.)

Богатырь посмотрел на экран:

— Нет, это Светка. Сеструха. Ей-то чего надо, спрашивается?

— А ты спроси и узнаешь, — посоветовал Змей.

— Без тебя бы я ни разу не догадался, — огрызнулся богатырь.

Он отвернулся, нажал на клавишу, спросил вполголоса:

— Чё надо?

— Арька, ты где потерялся? Почему трубку не берёшь? Мама уже полфлакона валерьянки выпила. Немедленно домой, а то получишь у меня!

— Ой, боюсь, боюсь. Щас всё брошу!

— Ты повозникай мне! Я тебе не мама.

— Ясен пень — не мама. Вот и не строй из себя.

— Ах так?! — рассердилась Светлана, но тут же сменила тон, и в голосе её зазвучало беспокойство: — С тобой всё в порядке?

— Да. И вообще, отстань, не отвлекай меня. Я тут со Змеем Горынычем сражаюсь.

— С кем?!!

— Не важно, — отмахнулся богатырь, сообразив, что сболтнул лишнего.

— Я тебе покажу — не важно! Арька! Стой, где стоишь, я сейчас...

16. Печальная история бабки Яши

(продолжение)

Когда-то давно Яша мечтала стать лётчицей. Или парашютисткой. Было это, само собой, до падения с лестницы. На этом месте все высокие мечты оборвались.

После восьмого класса мама посоветовала дочке поступить в библиотечный техникум:

— Ты же любишь книги. Вот и будешь всегда в их окружении.

Яша спорить не стала: действительно, чем не профессия?

Отец, Косма Богуславович Каргашевский, в то время уже ушёл из семьи и уехал на родину, в Польшу, искать свою первую любовь. И, кажется, даже нашёл.

Мама сделалась печальной, часто болела. Потом умерла, оставив дочь одну в двух комнатах коммунальной квартиры.

Вскоре от одной из комнат пришлось отказаться в пользу многодетной семьи, вселившейся на место переехавшей в деревню тёти Маши. Когда инспекторша из райсобеса предложила гражданке Каргашевской уплотниться, она не спорила: было бы странно, если бы новые соседи со своими тремя детьми ютились в одной комнатке, а она, одинокая, без шанса выйти когда-либо замуж, жировала в двух...

Жизнь сложилась, в общем-то, не так уж плохо. Работать в библиотеке было интересно. Особенно нравилось то, что располагалась она на первом

этаже Дворца культуры. А этажом выше занимался самодеятельный театр.

Театр. Это было для Яси одновременно и сказкой, и недостижимой мечтой. Предложить себя в качестве актрисы не хватало смелости. Но зато она как-то незаметно навестила писать сценарии к детским утренникам, а также и к другим не менее важным мероприятиям.

А вскоре при библиотеке организовалось небольшое литературное объединение под названием «Ромашка». Может, от слова «роман», а может, с намёком — гадаем, мол, по лепесточкам: есть талант, нет таланта?

Звёзд с неба в «Ромашке» не хватало, однако на встречах было хорошо и душевно: чаёк, домашнее печенье. Ну и чтение собственных произведений, разумеется. Восторги, щадящая критика, планы на будущее...

Яша никогда не считала себя поцелованной Богом в темечко. То есть серьёзно к своему творчеству не относилась: ну, сочинит там эпиграммку, стишок ко дню рождения... или, опять же, сценарий к Новому году.

А если что-то по велению души, так это — сугубо для себя. И никому не показывала. Страшно было: а вдруг скажут, что вся её писанина — полная чушь? Ведь тогда хоть сквозь землю от стыда проваливайся!

Её уважали как человека. Ценили как работника. Наверное, даже любили — за спокойный, доброжелательный характер, за вечное стремление всем помочь.

Но что-то такое сидело внутри. Какая-то заноза. Время от времени накрывала с головой совершенно дикая, похожая на срывающий крыши ураган тоска. Хотелось разрушить всё, к чёртовой бабушке, — мебель, стеллажи с книгами и саму жизнь: подняться на крышу пятиэтажного дома и — полететь, полететь... плашмя, прямо на асфальт...

Старость подошла незаметно. Проводили Ягвигу Космовну на пенсию. Подарили голубенькую, в горошек, вазочку для цветов, коробку конфет. Обычный, совершенно нормальный жизненный расклад.

Всё бы ничего, да новые соседи поставили себе цель — выжить старуху из комнаты, чтобы самим занять всю квартиру полностью.

И начали мелкие пакости. Мелкие, но неприятные. Особенно когда их много.

Баба Яша с радостью поменяла бы своё жильё на что угодно. Но кто бы с ней стал меняться?

И вдруг, откуда ни возьмись, — благотворительная фирма: выкупает у одиноких стариков жильё (точнее, ищет на это жильё реальных покупателей), а потом подыскивает где-нибудь за городом небольшой домик. А если вырученных денег не хватает — то добавляет свои, с условием, что

с пенсии разница постепенно будет компенсироваться.

Покупатели нашлись быстро — дражайшие соседи. Фотографию домика представитель фирмы (представительный такой представитель!) показал, рассказал подробно — где и в каком месте (чисто — рай!). И даже про будущих соседей упомянул: мол, добрейшие люди, такие же старички, уставшие от городской жизни.

— А завтра в половине двенадцатого подойдёт грузовик, погрузит ваши вещи, заберёт вас и отвезёт на место. И всё это совершенно бесплатно, за счёт фирмы. Так что будьте готовы и ждите внизу, у подъезда: мебель там, чемоданы приготовьте. Чтоб шофёру долго не задерживаться. А то у него работы много, надо ещё одних старичков завтра же отвезти.

На миг мелькнула мысль: а не на кладбище ли? Не в овраг ли ближайший, вместе с мебелью? А потом махнула на всё рукой: ай, хуже уже не будет! Потому как — некуда!

Ан нет. Хуже — оно всегда есть куда...

Просидела Ягвига на чемоданах и узлах, рядом со шкафом и комодом, до позднего вечера. Всё пыталась отыскать в оставленных благотворительной фирмой бумажках адрес или телефон. И чем дольше сидела — тем яснее понимала две вещи. Во-первых, что она не просто дура, а дура, каких поискать. А во-вторых, и это совсем уж печально, идти-то ей — некуда. Причём — совершенно! В бывшую квартиру соседи на порог не пустят. А других вариантов просто нет...

Ах, если бы не Софья Ивановна, каким-то чудом забредшая в эти края! Она-то и забрала старую дуру вместе с комодом, посудным шкафом и прочей рухлядь в свой пансионат.

17. Старшая сестра

Светлане было пять лет, когда родился Ариэль. Всё время, пока взрослые готовились к счастливому прибавлению семейства, девочка ходила задумчивая и какая-то напряжённая. Соседка, тётя Ира, однажды обмолвилась, что с рождением малыша она, Светочка, перестанет быть самой маленькой и самой любимой: любовь мамы, папы, бабушки и дедушки безжалостно будет разорвана на две неравные части. И уж, конечно же, большая часть станет принадлежать не ей, а кому-то другому...

Этого другого Света заранее ненавидела всей глубиной своей детской души. Его рождения она ждала как чего-то ужасного и несправедливого.

И вот этот день настал. В дом внесли маленький пищащий свёрток, и тут же моментально все забыли про старшую дочь и внучку, а принялись суетиться, ахать, охать...

Светланке стало противно, она ушла к себе в комнату, уткнулась лицом в подушку и заплакала.

И так лежала и плакала, пока не уснула прямо в одежде на неразобранной постели.

Проснулась утром, раздетая, под одеялом. Бабушка, как всегда, принесла ей прямо в кровать стакан молока с печеньем, погладила по головке: — С добрым утром, родная.

Ничего не изменилось? Или...

— Солнышко, ты не хочешь взглянуть на своего маленького братика?

— Не хочу,— буркнула девочка и отвернулась.

Вечером началась суета по поводу первого купания малыша. Кипятили воду, ошпаривали новенькую ванночку, разводили марганцовку. Светлана хотела опять уйти к себе, чтобы не видеть этого всего. Но детское любопытство оказалось сильней, и она осталась посмотреть, что же будет.

Когда мама вынесла из спальни крохотного человечка, завернутого в тонкую пелёнку, Света невольно вскрикнула:

— Ой, кто это?

— Тише. Это Ариэль, Элечка. Твой братик.

— А разве живые люди бывают такими маленькими? — не поверила девочка. — Меньше моей куклы Зины.

— Как видишь.

Дальше Света смотрела во все глаза. Вот мама осторожно опустила крохотное тельце в тёплую водичку. Ариэль испуганно распахнул свои совершенно круглые глазёнки, вздрогнул, вскинул вверх ручки-веточки, измазанные зелёной, но не издал ни звука. И пока бабушка поливала его водой из ладошки, он молчал, пытаясь понять, что это с ним такое происходит.

Только тогда, когда купание было закончено и его, совершенно голенького, вынули из воды, он заплакал. Тихонько и так жалобно, что старшая сестра вдруг неожиданно для себя поняла: лютого, кто посмеет обидеть это крохотное существо, её братика, она, Светка, порвёт на куски, покусает, исцарапает и не знаю ещё что сделает!

Между ними установилась непонятная, никак с научной точки зрения не объяснимая связь. Это мистика какая-то, но сестра всегда знала, где её брат и что с ним. Если Ариэлю что-то угрожало: дворовые ли мальчишки, злой ли соседский пёс, — Светка возникала словно из воздуха и кидалась на обидчика с таким остервенением, что тот невольно отступал.

Когда появились мобильные телефоны, она научилась по звонку определять, где сейчас находится её брат и что с ним. И моментально приходить на выручку, если что...

Вот и на это раз:

— Арья, стой где стоишь, я сейчас!

В трубке пискнуло, экран на мгновение вспыхнул и тут же погас.

18. Любовь с первого взгляда

Дальше случилось невероятное: из темноты выбежала запыхавшаяся Светка, увидела хулигана, заорала что есть мочи:

— Ах ты, гад ползучий! Я тебе покажу, как маленьких обижать!

И со всего разбега — тресь беднягу своей тяжёлой сумкой по голове. У того аж искры из глаз брызнули во все стороны. Как стоял — так и сел. Сидит, смотрит, глазами моргает.

— Ну, чего уставился, паразит? — сердито спросила Светлана.

— Ты... — он не переставал смотреть на девушку снизу вверх, как инок на чудотворную икону. — Ты такая красивая... А я — Витя...

Любовь с первого взгляда — это чудо. Она и похожа на чудо, чудо и есть. Вот только что ты существовал сам по себе. И вдруг...

Вдруг ты понимаешь, что дороже этого человека нет никого в мире!

Витька потерял дар речи практически сразу. В секунду из грозного огнедышащего монстра он превратился в маленького счастливого пучеглазого телёнка.

А Светлана...

Светлана посмотрела на этого шлёпнувшегося прямо ей под ноги остолопа, моргающего своими синими, в длинных ресницах, глазами. И ей стало вдруг смешно. Будто в груди у неё щеkotно запрыгала сотня солнечных зайчиков. А в ушах весело, как весенние ручейки, зазвенели не то колокольчики, не то бубенчики.

Ровно через полчаса они уже точно знали, что не смогут жить друг без друга.

Часть 2

Где начинается сказка

.....

1. Катастрофа

Итак, птица Гамаюн прилетела в полночь и сказала: — Все оставайтесь на своих местах, ничего не бойтесь. Всё будет хорошо!

И ей поверили.

Хотя минуту назад никто не сомневался, что всё — плохо, хуже не бывает.

А действительно, куда хуже-то? Куда они, бездомные, никому не нужны?

Месяц назад заявили какие-то прилично одетые люди и объявили, что земля, на которой стоит пансионат «Калинов мост», отныне принадлежит им по закону. Ну, купили они её, типа.

Софья Ивановна напрасно била ноги по разным кабинетам, напрасно пыталась объяснить, что

в «Калиновом мосту» живут одинокие старики, многим из которых в случае закрытия пансионата совершенно некуда деваться.

Чиновники слушали, сочувственно разводили руками:

— Где вы раньше-то были? Надо было вовремя продлить договор аренды. А теперь— извините...

Софья Ивановна пригрозила подать жалобу в вышестоящие инстанции. Ей сурово объяснили: — Лучше бы вам этого не делать, если жизнь дорога.

— Не пугайте, не боюсь!— дерзко ответила женщина.

А через три дня случилось страшное.

Утром хозяйка «Калинова моста» в очередной раз уехала в город на своём «жигулёнке» искать справедливости. А вечером сотрудники ДПС обнаружили в придорожном овраге искорёженную машину, а в нём мёртвое тело женщины...

2. Начало конца

Горе-то какое! Эта внезапная смерть Софьи Ивановны— как гром среди ясного неба...

А тут ещё в пансионат приехали новые хозяева и потребовали освободить здание немедленно, в кратчайший срок. А кто не уберётся добровольно, того просто выкинут на улицу...

Поначалу старики наотрез отказывались верить в то, что такое возможно:

— Да быть того не может, чтобы прямо выкинули. Есть же правоохранительные органы. Соцзащита, наконец! Не среди людоедов же живём, не в дикой Африке.

А потом поползли слухи, что за новыми хозяевами стоят такие люди, такие силы... В сравнении с ними дикая Африка с её людоедами— просто песочница на детской площадке: эти, если надо, сожрут тебя живьём и даже не поперхнутся.

Итак, в течение месяца все, кому нашлось хоть какое-то пристанище, покинули «Калинов мост». А те, кому было некуда деваться,— остались.

Вначале их осталось пятеро: одна старушка (Ягвиги Космовна) и четыре старичка (Дядя Лёшка, Эверестович, господин Никошев и таинственный Часовщик).

Потом Часовщик исчез. Вместе с часами.

Зато возник кот Фильдеперс.

3. Филька

Явился он поздно вечером, через форточку в комнате Ягвиги. Весь грязный. Огромный невероятно. И худой, как вязальная спица. Кот аккуратно спрыгнул на пол, не стал орать дурным голосом, как это обычно делают коты, требуя внимания, жратвы и сочувствия, а наоборот— молча уселся на коврик посреди комнаты и доверительно, без подхалимажа и жалобы на судьбу, посмотрел прямо в глаза бабушке Яше.

— Ну и чего припёрся?— сурово спросила та.— Нас самих выгоняют, так что на тёпленькое местечко можешь не рассчитывать.

Кот ничего не ответил.

— Ладно, покормлю, так и быть.

Старуха налила в блюдце молока, отрезала колбасы кусочек. Кот всё это с удовольствием очень интеллигентно съел. Добавку, соблюдая этикет, просить не стал.

— И что мне с тобой делать? Может, ты обратно в форточку пойдёшь, погуляешь? А?

Гулять коту не хотелось.

— Ладно, идём, я тебя помою, пока тёплую воду не отключили.

В коридоре им встретился Дядя Лёшка.

— Вот,— словно оправдываясь, объяснила Ягвиги.— Пришёл, понимаешь, котофиля... и куда его теперь? Попробую отмыть, а то он, я чувствую, у меня на кровати спать захочет.

— Это запросто,— согласился Дядя Лёшка.— А как, говоришь, твоего зверя по имени-отчеству?

Яша задумалась.

— Филькой назову. В детстве у меня любимый кот был— Филя. Фильдеперс. Красавец, белый как снег. И шерсть такая— как шёлк, мягкая, длинная...

— Очень похоже,— кивнул Дядя Лёшка на облезлое, непонятного цвета животное.

Отмытый в ванне и просохший Фильдеперс оказался пегим: пепельно-серая шкура, а по ней— крупные тёмные с рыжеватой подпалиной пятна, разбросанные как попало. Одно, самое большое,— под левым глазом. Будто котик только что с хулиганами подрался.

Он, как и ожидалось, залез на бабкину кровать, улёгся мокрый прямо на подушку и моментально заснул сном праведника.

4. Прощай, «Калинов мост»

После обеда явился управляющий и сказал:

— Завтра в десять часов утра придут рабочие. И чтоб к этому времени духу вашего здесь не было. Иначе пеняйте на себя!

— Куда же мы? Нам некуда!— заплакали старики.— Мне это глубоко по барабану, у меня приказ.

Ну вот и всё. Прощай, «Калинов мост».

А как здесь было славно!

Сосновый бор, светлый и чистый. Речушка Смородина. Мостик, где так приятно прогуляться вечером, поглядеть на воду, на заходящее солнышко.

Мостик назывался Калиновым не только потому, что переброшен был через реку Смородину, но и потому, что у входа на мост с обеих сторон росли пышные кусты калины.

Обитатели «Калинова моста» любили впадать в детство. Они даже не считали это чем-то зазорным. Скорей наоборот.

Время от времени они организовывали себе пионерско-пензионерские сборы: сидели у костра

в красных галстуках, пекли картошку, пели песни своей юности, вспоминали те времена, безвозвратно ушедшие.

А ещё любили рассказывать сказки. И читать. И даже маленькие любительские спектакли затевали время от времени.

В общем, вернули себе всё то, чем жили в счастливом детстве и что напрочь было утрачено либо отодвинуто на задний план в суровой взрослой жизни.

И оказалось вдруг, что старость—это не страшно. И с немощью можно бороться, если не раскисать, если научиться радоваться каждому новому дню...

И вот всё кончилось.

5. Тяжкие ожидания

Итак, завтра утром—конец всему. Что с ними будет дальше? И куда им, бездомным, бесприютным?

Кто-то предложил пойти поговорить ещё раз с дочками Софьи Ивановны: поди, не бросят они стариков на произвол судьбы. Хоть советом помогут.

Быстренько все четверо подхватились и поковыляли в сторону флигеля, где жили хозяйки пансионата.

Однако, к неприятному удивлению стариков, на дворе висел большой амбарный замок.

Стали вспоминать, когда сестёр видели в последний раз. Оказалось—тому назад дня три, а то и больше.

Нет, завтрак, обед и ужин—всё это было вовремя и на месте. А вот их самих не видел никто.—Ах, сучки... сбежали!—некрасиво выругался господин Никошев.—Бросили!

—Пока ничего не известно, так что нечего зря лаяться!—одёрнула его Ягвиги Космовна.

—Да чего тут неясного-то?!—он злобно махнул рукой и, продолжая нецензурно ругаться, подался к себе.

Почти сразу стало плохо Серпантиону Эверестовичу. Он схватился рукой за сердце, тихо охнул и осел на газон. Кое-как удалось его грузное обмякшее тело отбуксировать до ближайшей скамейки.

Ягвиги вынула из кармана свой чистый, отглаженный платочек и стала обмахивать им лицо сомлевшего товарища по несчастью. А Дядя Лёшка припустил к колодцу за водой.

Вернулся он с полным пластмассовым ведром. Больше половины сразу вылили на поникшую голову бывшего профессора. Остальное тот выпил жадными глотками, после чего задышал ровнее, и лицо его, утратив бледно-болотный оттенок, начало приобретать нормальный человеческий цвет.

И тогда внезапно началась истерика у Ягвиги. Честно говоря, она и сама не ожидала от себя такой стыдобы: схватилась руками за голову, сползла со скамейки на землю и заскулила, завывала противным высоким голосом.

Мужчины кинулись успокаивать. Дядя Лёшка опять побежал за водой, а Серпантион Эверестович, несмотря на не прошедшую ещё слабость в теле, заходил вокруг, запричитал, стараясь успокоить.

Струя воды, вылитая на макушку, действовала на старушку благотворно. Истерика закончилась. Правда, начали клацать челюсти, но это уже по сравнению с тем, что только сейчас было, казалось ерундой.

—Люди, давайте уже перестанем истерить и падать в обморок!—предложил Дядя Лёшка.

—А что делать?—риторически спросил Серпантион Эверестович.—Что делать?

—А мы сделаем вот что. Мы уйдём в дремучие леса, поставим там домишко и станем в нём жить-поживать, горя не зная!

—Как в сказке,—остаточно всхлипнула баба Яша и попыталась улыбнуться.

—А хоть бы и так!—не стал возражать бывший егерь, которому жить в лесу всегда нравилось.

—Давайте мы сделаем так,—ненавязчиво предложил профессор в отставке.—Мы подождём до утра. И если за это время ничего не изменится в лучшую сторону—вернёмся к природе!

—А что может измениться-то? Тем более к лучшему...

—Кто его знает? Давайте подождём!

6. Кикилия Бенедиктовна

Они сидели в комнате отдыха и молчали. А о чём говорить? За время, проведённое в стенах пансионата, старики узнали друг друга так близко, что иногда начинало казаться, будто знакомы они ещё с детства, с ясельной поры: вместе на горшках сиживали, манную кашу по тарелке размазывали, из-за игрушки дрались, в песочнице строили дворцы и замки...

А вот теперь, в конце жизни, все вместе оказались на одной свалке истории. Это если говорить красиво, с пафосом. А если грубо, по-простому, то в одной ж... Но не будем опускаться до пошлости.

Итак, старички сидели, занятые печальными мыслями. И тут в гости к ним заявила старинная Ягвиги Космовны приятельница, Кикилия Бенедиктовна Заболотникова. Келя, проще говоря. Или Килия. Или даже Кика.

Она вообще частенько заглядывала сюда. Ей чрезвычайно нравилось непринуждённое, по-домашнему простое общество обитателей пансионата. Она даже вздыхала: «Эх, и мне бы сюда!» Но, во-первых, для дома престарелых она была ещё слишком молода. А во-вторых, у неё был дом, была семья: мама, муж и куча детишек мал мала меньше. Она их всех ужасно любила.

Любовь, в житейском понимании этого слова,—вещь утомительная, требующая много сил, как душевных, так и физических. И потому, выжатая,

как лимон, уставшая от домашних хлопот, она приходила сюда отдохнуть.

Когда-то давно они вместе (Келя и Яша) посещали литературный кружок «Ромашка». В отличие от Ягвиги, не находившей у себя литературного дара, Кикилия считала себя талантливой и весьма перспективной поэтессой. Свои бессмертные творения она подписывала красиво и звучно: Цецилия Орхидея.

Рядом со своей высокорослой подругой Келя казалось гномиком: маленькая, шустрая, со вздёрнутым носиком, на котором для солидности сидели большие, как у черепахи Тортилы, очки.

Практически каждое появление в «Калиновом мосту» подающей надежды поэтессы знаменовалось чтением очередного шедевра.

Так и на этот раз. Она пришла, присела на стульчик, облокотилась на стол. Помолчала. Потом, соблюдая правила этикета, выразила своё глубокое сочувствие по поводу надвигающегося закрытия пансионата. Потом опять замолчала. Однако было очевидно, что сидеть просто так ей невыносимо трудно. Глаза её, взгляд которых она тщетно пыталась спрятать под стол, так недвусмысленно горели, что Ягвиги в конце концов не выдержала:

— Хватит ёрзать. Давай уже выкладывай, что там у тебя?

— Может, это не ко времени сейчас, — стыдливо начала Цецилия Орхидея и покраснела, — но на меня сегодня утром напало вдохновение.

— Как? Опять? — всплеснул руками Дядь Лёшка. — Оно у тебя просто маньяк какой-то!

А господин Никошев вдруг тоже решил пошутить:

— Может, пора в милицию заявить на маньяка?

— Поздно, — отрезала Ягвиги. — Милиция нам уже не поможет.

— Это почему?

— Потому что нету её, милиции. Полиция у нас. Газеты надо читать, телевизор смотреть.

— Да ладно вам, — немного обиженно прервала их поэтесса. — Вы слушать-то будете?

— Всенепременно.

— Тогда я читаю:

Листья с дерева падают, падают
В нашем самом любимом саду.
Но они меня больше не радуют:
Я сюда никогда не приду!

— А? Как вам? — и вопросительно оглядела сидящих, ожидая восторженной реакции.

— Нам? — переспросил Дядь Лёшка. — Ну, лично мне нравится. Хорошее оно у тебя получилось, душевное.

— Ага! — согласилась Ягвиги. — И что характерно — абсолютно оригинальное.

— Это в каком смысле? — насторожилась Келя.

— В смысле — ни на что не похожее.

— Да? — удивился господин Никошев. — Странно, а у меня такое ощущение, будто я что-то подобное уже где-то слышал.

— Да это песня такая, — тихонько толкнул его в бок Серпантион Эверестович. — По телевизору недавно пели.

— Нет-нет, — возразила Келя. — Если вы намекаете на плагиат, то у меня всё совсем не так. Вот смотрите. Там, например: «Листья жёлтые медленно падают», — а у меня: «Листья с дерева падают, падают...»

— А, ну, если такое принципиальное различие налицо — тогда конечно! — не стала спорить Ягвиги.

А Кикилия вдруг погрузилась, попросила: — Яша, давай не будем язвить друг дружку. В последний-то вечер.

— А ведь и правда, — вспомнил Серпантион Эверестович и тоже погрузился. — Это же мы — в последний раз вот так...

— И чего мы все до неё докопались? — удивился в свою очередь Дядь Лёшка. — У человека, может быть, душа тоскует, пытается слова найти, подходящие случаю, а ты, Кузьмовна, с критикой своей неуместной лезешь. Нехорошо.

— Ладно, Килия, не обижайся на меня, — вздохнула Ягвиги Космовна. — Это я от безысходности зверею. Мысль меня не покидает ни на секунду: что с нами дальше?

Этого он не знал никто.

7. Коша ушёл стреляться

Они всё ещё сидели все вместе в той комнате, которая называлась красиво и торжественно: «Клуб». Ни играть в шахматы, ни вязать, ни смотреть телевизор — ничего не хотелось. Сидели просто. Либо молчали, либо говорили бог весть о чём. Ни о чём, можно сказать.

— Возможно, тайный смысл старости — в переоценке ценностей? — спросила бабка Яша непонятно у кого. — Она даётся человеку для того, чтобы понять: главный смысл жизни — это просто возможность ходить по земле, радоваться солнцу, верить в добро, бездомную собаку накормить или, скажем, кота. Словом, всё как в детстве: смотреть на этот мир и радоваться.

Дядь Лёшка ностальгически вздохнул:

— В детстве — хорошо...

— Да, — кивнула Ягвиги. — А во взрослой жизни столько сложностей реальных и придуманных, что сквозь них не всегда самого себя в зеркале разглядишь.

— Ой, не разглядишь, — прочувствованно подтвердила Келя.

Она светливой своей походкой подошла к висящему на стене большому зеркалу, посмотрелась в него, ахнула:

— Ах ты ж, Господи! Какая же я стала страшная. Давно ли парни на меня глаза пялили, как мимо иду? А теперь...

Бабка Яша тоже подошла к зеркалу, с любопытством глянула в него. Сказала жизнеутверждающе: — Слава Богу, моя красота с возрастом не теряется. — Невозможно потерять то, чего не было, — фамильярно хихикнул Дядь Лёшка. — Молодец, — неожиданно одобрила старуха. — Рубишь фишку. — Я не фишку рублю, я правду-матку...

И тут вдруг ни с того ни с сего вспылал господин Никошев:

— Да что вы как дети малые, ей-богу! Болтаете чёрт знает что, думаете о чём угодно, но только не о насущном. Что нам делать-то, что делать? — в голосе его послышались истерические нотки.

— Ждать, — пожал плечами Ягвига. — А что мы ещё можем?

— Эх, были бы у меня мои денежки — плевал бы я тогда на все проблемы. Укатил бы куда-нибудь на Канары и забыл бы вас всех как кошмарный сон!

Он нервно встал, прошёлся из угла в угол, злобно прошипел:

— Пошли вы все! Ухожу я от вас.

— Куда? — удивился Дядь Лёшка.

— На Кудыкину гору. Пойду застрелюсь, чтоб только не видеть ваши идиотские рожи!

И вышел прочь, громко хлопнув дверью.

— Он что, реально стреляться пошёл? — обеспокоенно спросил Серпансион Эверестович.

Дядь Лёшка пожал плечами:

— Пёс его знает...

— Ой, так нужно же немедленно бежать за ним! Вдруг он правда что-нибудь с собой сделает? — засуетилась сердобольная Келя и рванулась было к двери.

Но Ягвига охладила её пыл:

— Ничего с ним не будет. Такие не стреляются. Это во-первых. А во-вторых, откуда здесь огнестрельное оружие?

— Это да, — согласились все.

— Эх, был бы у меня пистолет, — загорелись вдруг вдохновенно-романтическим светом глаза у Цецилии Орхидеи. — А ещё лучше — пулемёт. Я бы дождалась утра и перестреляла бы всех-всех-всех, кто придёт отнимать у нас «Калинов мост»!

— Всех не перестреляешь, — скептически заметил Эверестович. — Да и кто придёт-то? Работяги. Они — просто пешки. А до короля с ферзём нам не добраться.

— Не добраться, — опять согласились все.

Помолчали. Потом Келя вдруг вспомнила про господина Никошева, презрительно поморщилась, забыв, что пять минут назад рвалась спасать его от лютой смерти:

— До чего же он неприятный тип, этот ваш Коша! Кричит, хлопает!

И кивнула на дверь.

— Да нет, мужик он, в сущности, неплохой, — вступилась баба Яша. — Но налицо неправильный

приоритет ценностей: материальное для него — на первом месте.

— Наверное, детство было тяжёлое, — предположил Серпансион Эверестович. — Недоедал, ходил в обносках...

— Не-не-не, — возразил Дядь Лёшка, хорошо знавший историю господина Никошева. — Детство здесь ни при чём. Это всё нервы. Экология опять же.

8. Туши свет

— Хорошо у вас, однако мне пора! — вздохнула Келя. — Уже темнеет, а пока до дому доберусь — вообще хоть глаз коли будет.

Ягвига немного смущённо, оттого неловко и грубовато, обняла старую боевую подругу:

— Ну, прощай, моя радость! Авось ещё встретимся, не на этом свете, так на том!

— Типун тебе на язык! Придумала тоже — на том, — Кикилия чуть помедлила и добавила не слишком уверенно: — Яш, а может, всё-таки у нас поживёшь?

— Ай, не говори глупостей, — привычно отмахнулась та. Видно было, что эта тема уже поднималась. — Меня вам только и не хватало. Самих — как сельдей в бочке. Небось, спите по очереди. А тут ещё я, будьте любезны радоваться! Нет, нет. Это даже не смешно.

— А как же ты? — с подчёркнутым сочувствием и явным облегчением выдохнула подруга.

— Как все. Бог не выдаст — свинья не съест.

Келя ушла. Эверестович, как галантный кавалер, вызвался проводить её до остановки.

Ягвига Космовна и Дядь Лёшка остались вдвоём. И тут погас свет.

— Интим заказывали? — фыркнула старуха.

— Раскудрит твою поперёк берёзы! — тихо выругался Дядь Лёшка. — Вот сволочи, уже и свет отключили. Чтоб мы, значит, не сомневались уже.

— Это точно. Чтоб не сомневались.

В густых вечерних сумерках, которые после яркого электрического света казались совсем мрачными, сидеть было тоскливо.

— Схожу-ка я за свечкой, где-то у меня завалялся, кажись, огарочек.

Ушёл. Вернулся, держа в руках две свечи.

Зажгли. Стало немного веселее.

Вернулся Эверестович.

— Ну что, Горыныч, проводил барышню? — спросил Дядь Лёшка.

— А то.

— Тады, может, в картишки? В подкидного, а? Сообразим на троих?

— Да ну их. Лучше посидим, поговорим. В живой беседе человек облагораживается. А насчёт «сообразим» — это можно!

И достал из-за пазухи бутылочку.

— Глянь, Кузьмовна, наш Змеюка зелёного змия приволок, — тихо возликовал отставной леший.

— Ой, как это вовремя! — одобрила и Ягвига. — Такое настроение, что либо напиться, либо утопиться!

— Остановимся на первом, — предложил Серпантион Эверестович. — Не в службу, а в дружбу — сбегайте кто-нибудь за стаканчиками, пожалуйста. Ну и закусочку какую, если есть.

— Щас нарисуем, — охотно откликнулся Дядь Лёшка и потелепал в сторону кухни, подсвечивая себе карманным фонариком.

9. Прощальный ужин при свечах

А потом они сидели, пили какое-то, не самое плохое, между прочим, вино, закусывали холодными голубцами и разговаривали. Обо всём.

Заговорили, в частности, о чудесах. Самая актуальная сейчас тема! А на что им, кроме как на чудо, можно уповать, оказавшись в такой, я извиняюсь... ситуации?

Медленно, но уверенно стали склоняться к мысли, что чудеса случаются только с теми, кто в них искренне, всем сердцем верит.

Оказалось, что все сидящие за столом — верят. И чем дольше они сидели — тем сильнее становилась их вера.

Когда бутылка опустела, никто уже не сомневался, что в этом мире столько всего загадочного, столько непостижимого. Все эти параллельные миры. Все эти таинственные сущности, являющиеся Бог знает откуда и черт-те куда потом исчезающие...

— Кто с уверенностью может сказать, что в этом мире существует само по себе, а что — исключительно в нашем сознании? — взялся прояснять суть вопроса малость перебравший профессор истории, который в юности увлекался ещё и разными оккультными, с позволения сказать, науками. — Во всяком случае, реальный мир имеет очень мало общего с нашим о нём представлением. Но лично я в эти дебри сильно далеко стараюсь не забредать. Слишком мало шансов потом оттуда выбраться в здравом уме и трезвой памяти.

Спорить с его авторитетным мнением никто не рискнул. Все согласились. Особенно с последней фразой.

Вот тут-то и прилетела птица Гамаюн.

Да, но вначале пару слов о самой птице. В сказке она всегда играет позитивную роль. Встреча с ней сулит удачу и счастливое разрешение самых безвыходных ситуаций. Она не только предсказывает будущее, но только объявляет людям волю верховных богов, но, по слухам, сама является одним из воплощений Велеса. Кто такой Велес, я думаю, объяснять не нужно?

Так вот. Птица появилась ниоткуда. Просто возникла из пустоты: не было, не было, и вдруг — фр-р — и сидит прямо на столе неземная красота.

Полуптица-получеловек. Женская голова с двумя чёрными змеевидными косами увенчана алмазной короной. Огромные распахнутые крылья — белы, как первый снег. А голос — ласков и нежен, как цветущая яблоня.

Странно, но всем почему-то моментально вспомнилась Софья Ивановна.

— Всё будет хорошо! — сказала она. — Ждите. На рассвете всё решится.

И исчезла...

10. Большой Совет

— «Калинов мост» придётся сжечь! Мы не можем оставить этим отморожкам оголённый нерв Сказки! — лицо птицы Гамаюн было печально и сурово.

Я прошу прощения: с этого места нужно кое-что прояснить. Иначе непонятно будет.

Сказка — это не город, не окружённая высокими стенами крепость и даже не остров. Потому что её пространство ничем не ограничено.

Сказка — везде. То есть именно так: везде-везде-везде...

Попасть в неё можно из любой точки того мира, который мы называем реальным. Я не до конца понимаю, как это происходит. Очевидно, есть множество ворот, калиток, лазеек... А можно, я думаю, и так: идёшь, идёшь, и вдруг раз — и ты уже в Сказке.

Что такое Сказка? Параллельный мир? О да. Огромный, практически не ограниченный ничем. Мир со своими законами, порядками и иерархией.

Сказка неоднозначна и неоднородна. Она многомерна и многослойна (как, собственно, и наша обычная жизнь). Её диапазон — от детских прибауток до глубинной мудрости древнейших религий мира.

Или даже так: Сказка — это тотальная мудрость, принимающая в себя всё, что человечество сумело насочинять (или осмыслить?) за долгие века своего существования. Сонмы богов, героев и чудовищ... Мифы о сотворении мира... Ну и так далее...

Сказка не только отражает человеческий мир в своём волшебном зеркале, но и спасает его от беспощадной Истины. От Первородного Хаоса (правильнее бы назвать это Гармонией Мироздания, но не суть важно). То есть это то, что нам не дано понять — по определению. (А разве не так? Мы и видимый-то мир изучить толком не можем, что уж говорить про то, что находится за пределами возможности наших бедных органов чувств?)

Истина человеку нужна, как... как ужасник, чтобы пощекотать нервы, может быть — взбодриться. Но жить в пространстве Истины — невозможно. Это всё равно что стоять голышом на вершине Эвереста.

Каждый нормальный человек хочет тепла и защищённости. Для этого он строит себе жилище,

украшает его чем может и прячется там от всего того, что не соответствует его представлению о комфорте.

Сказка строит человечеству тот самый пресловутый воздушный (а воздушный ли?) замок...

Нет, я бы лучше сказала так: скафандр... батискаф... или звездолёт. То, без чего человек не сможет выжить. Как в открытом космосе или на дне Марианской впадины...

Как-то так...

Прошу прощения ещё раз, но без этого, может быть, слишком пафосного и претенциозного отступления трудно понять, что я подразумеваю под словом «Сказка».

Но продолжу историю.

Итак, птица Гамаюн сказала:

— «Калинов мост» придётся сжечь!

— А как же старики?— ахнула Алконост.

— Стариков мы, разумеется, спасём. Но потом Финист подожжёт всё: пусть останется лишь злое чёрное пепелище.

— Я сделаю это, матушка,— сказала птица Финист. — А чтобы не возникло желание что-либо построить на том месте — мы поселим на пепелище ужасных стражей. Кот Баюн уже там. Чтоб ему не было скучно, вот-вот прилетят грифоны. Шишига себе жилище под мостом уже обустраивает, ей вообще не принципиально, где жить. Пусть народ пугает. В случае чего и на дно утянет.

— Она может,— с удовольствием засвидетельствовала птица Сирина.

— Упыри обещали подойти. И костوماхи. Этих красавцев если один раз увидеть — страху на столет хватит.

— Не любят на Руси мертвецов, вылезавших из могилы, да ещё в полуистлевшем виде! — сдержанно хихикнула Алконост.

Финист с отвращением передёрнула плечами:

— Фу, какая гадость!

— Без гадости не получится! — резонно заметила Сирина. — Слишком серьёзный враг.

А Гамаюн продолжила:

— Сам Вий грозился прислать пару-тройку своих верных слуг. В реку Смородину Марана напустит морока и ядовитого смрада, дабы всё соответствовало и названию, и заведённому в сказке порядку. Чтоб никому на пушечный выстрел подходить не захотелось.

— А что будет с мостом?— осторожно спросила Алконост.

— Мостик, конечно, жалко. Ну да мы сделаем так: видимость у него останется прежней, а вот пройти по нему будет невозможно.

— Змей Горыныч не пустит?

— Увы, Змеюка выпросился на вольные хлеба. Влюбился, оболтус, хочет к своей возлюбленной, в реальный мир. Там, говорит, за полвека

столько всего поменялось: техника, электроника, ну и прочие блага цивилизации. Он до этого дела большой охотник. Я пыталась образумить. Ни в какую: отпусти, мол, не то сам убегу.

— И что же мост?

— Выкрутимся. Теперь стеречь его будут Ужас, Кошмар и Паника. И если они втроём на кого нападут (да хоть на роту солдат!) — мало не покажется!

— Это да.

Такую серьёзную защиту по всем направлениям сочли достаточно надёжной. Нет, не напрасно Софья Ивановна отсутствовала столько времени, не напрасно...

В общем, всё складывалось не так уж плохо. Хотя, разумеется, пансионата было жаль до слёз. Да и расставаться с шестиглавым Змеем не хотелось. — Любовь — зла... — весело и резонно чирикнула птица Финист голосом Любаши.

— Полюбишь и дракона,— согласилась с дочерью Софья Ивановна. — Но это бы ещё полбеды. Матушка его, Марфа Васильевна, карга старая, туда же. Полдня рыдала: хочу внуков понянчить, не лишай, мол, меня простого человеческого счастья! — И опять станет простой смертной! Неужели она этого не понимает? — удивилась Верочка-Сирина. — Говорила, пыталась переубедить. Никакого толку. Уж лучше, твёрдит, помереть счастливой, чем вечно маяться в одиночестве, когда ни одной родной души рядом.

Наденька-Алконост только вздохнула:

— Вольному — воля.

— Разумеется,— кивнула Софья Ивановна. — Тем более что тюрьма её сыночку больше не грозит, все сроки давно вышли. Да, кстати, пока не забыла: документы им обоим нужны. Верочка, сделаешь? — Хорошо, мама, — с готовностью откликнулась средняя дочь. — Но я подзабыла уже: за что его посадить собирались?

— Обыкновенная вещь: по малолетству, по глупости связался с дурной компанией. Что-то они там не то украли, не то собирались только. Витёк наш — он душа чистая, наивная, сам не знал, во что ввязался. А в тюрьме ему всю эту чистую душу затоптали бы грязными сапожищами. Вот мы и пожалели парня. Тем паче что мать его готова была в петлю лезть от горя и отчаянья.

— Бедная женщина, — вздохнула Наденька. — И что теперь? Где мы новую бабу-ягу возьмём?

— В «Калиновом мосту», разумеется. Ягвиг — чем плоха?

— Ой, как всё славно образуется! — обрадовалась Любочка. — Славно, славно!

На радостях она даже сбросила с себя птичье оперенье и затанцевала, запрыгала на одной ножке, как дитя.

— Любовь, веди себя прилично! — одёрнула её Софья Ивановна. — Ты на Большом Совете, а не на дискотеке, прости Господи...

— Хорошо, мама,— не стала спорить дочь и приняла видимость согласно регламенту.

— А как же наши старички?— осторожно спросила Надюша.— Дядь Лёшка, Эверестович? Они такие славные.

— Им тоже найдётся место.

— В Сказке?

— В Сказке, в Сказке. Где ж ещё?

— А нельзя ещё эту... поэтессу? Она такая смешная.

— Подумаем...

11. Кто куда

На востоке ещё не забрезжило, когда Дядь Лёшка вдруг подхватился бежать в лес.

— С ума спятил! Куда?

— Ой, Кузьмовна, я, кажись, забыл там свой любимый посох, как последний раз гулять ходил.

— Так оставил или кажись?

— Не знаю. Нету его нигде, обыскался уже.

— И чего в нём такого? Не проще новый сделать?

— Понимаешь, привык я к нему. Удобный очень получился. Ловкий такой. Лёгонький. И в то же время— крепкий. Да я быстренько сбегая: одна нога здесь— другая там!

— Смотри не перепутай, где какая,— посоветовала старуха.— И не забывай: с рассветом за нами придут.

— Да помню я...

— И не заблудись уже!

— Ага, учи старого лешего.

Только он ушёл, как приспичило во двор Серпантиону Эверестовичу.

— Ты-то ещё куда?

— Надо мне...

— Если по нужде—то туалеты вроде как ещё работают.

— Не. Не в этом дело. Хочу попроситься. Уж больно тут хорошо было.

— А ведь правда. Знаешь, и я—с тобой!

Они вышли на свежий воздух, прямо под тихо шумящие сосны, под медленно тускнеющие звёзды.

— Если есть на земле рай, то он здесь!— вздохнула Ягвиг Космовна и добавила совсем уж грустно:— Был...

— Вот и я про то. А пойду-ка я к колодцу, умоюсь в последний раз.

— Иди. Я тебя здесь подожду. Зябко мне что-то, никак простудилась.

— Жди, я мухой. Только вот что меня мучает. Сомневаюсь: а не враньё ли это? Ну, насчёт того, что придут за нами на рассвете. Ты-то как думаешь?

— Тут—думай не думай...

— А я не могу не думать. Не могу, и всё.

— Понятное дело. Ты ж у нас—профессор. Не голова, а Государственная Дума...

А потом случилось вот что. Стоило профессору отойти шагов на двадцать, как вдруг, откуда ни возьмись,—вихрь. Закрутил Эверестовича,

завертел, поднял над землёй и унёс в неизвестном направлении.

Бабка Яша при виде такого чуть сознание не потеряла. Рот двумя руками зажала, чтобы от ужаса не закричать, глаза выпучила, каждый по блюдцу, и мычит. Это что ж, она совсем одна осталась?

Но тут откуда-то припёрся пегий кот Фильдеперс и заговорил человеческим голосом:

— Хватит кукситься. Бери свечку, спички и ступай за мной.

Старуха пребывала в таком сильном душевном волнении, что даже, кажется, не удивилась противоестественной разговорчивости домашнего животного. Поинтересовалась только:

— Куда идти-то?

— Там увидишь.

Оказалось, одна из тех дверей, что в кухне, ведёт в подземный коридор. Длинный такой.

Они шли, шли, шли по тёмному сырому подземелью. Шли так долго, что Ягвиг Космовна, кажется, заснула прямо на ходу...

12. Зрелище не для слабонервных

Птица Финист уронила огненное перо на крышу пансионата, и моментально всё вспыхнуло. Огонь зашел, заплясал свой дикий танец, в небо полетели искры. Они поднимались всё выше, постепенно угасая или теряясь среди звёзд.

Из тьмы вынырнули волколаки, заходили, запрыгали вокруг горящего строения, держась за руки, душевно подвывая и в такт пританцовывая.

Вскоре к ним присоединились костوماхи—жуткие, почти полностью лишённые мяса скелеты, вылезшие из своих могил полюбоваться на происходящее. Полыхающий огонь просвечивал их, как рентген, так что видно было каждое рёбрышко, каждую косточку. Выглядело это, мягко говоря, некрасиво.

Откуда-то набежали зеваки. Они неуверенно топтались по ту сторону реки, глядели на всю эту жуть и пребывали в раздумьях: ещё постоять посмотреть или уже, от греха подальше, вернуться восвояси?

Потом из пламени начали выскакивать ужасные саламандры. Они отвратительно извивались, со свистом и шипением развалили свои огромные пасти и плевались огнём на большое расстояние, иногда—прямо под ноги особо любопытным.

Толпа значительно поредела. И тут произошло вообще невероятное: из самой сердцевины пожара вылетел чудовищных размеров огненный петух. Движения его были неестественно плавны и размыты, как на замедленной прокрутке старой киноленты. Так же замедленно и оттого особенно неприятно для человеческого уха он проорал: «Ку-ка-ре-ку!»—и в тот же миг крыша бывшего пансионата с грохотом обрушилась, огонь хотел

было метнуться вверх, но почему-то передумал это делать, осел, сник, скукожился и почти моментально погас. Стало темно, и только чьи-то горящие глаза—зелёные, мутно-алые, жёлтые и даже нежно-голубые—гаражились из мрака на оставшихся зрителей, медленно отступающих и тихо лязгающих зубами от избытка впечатлений.

13. Вот отсюда и начинается сказка

Баба Яша открыла глаза и обнаружила себя сидящей под большой берёзой. И совершенно этому не удивилась почему-то. Более того—всё, что она увидела сейчас, было до боли родным и знакомым. Хотя совершенно ведь очевидно: здесь, в этом лесу, под этой берёзой, она впервые в жизни.

Возможно, что-то такое снилось когда-то... Бывают же сны, когда просыпаешься с ощущением чего-то светлого и счастливого, а что конкретно тебе привиделось—вспомнить не можешь.

А тут вдруг раз—и вот оно...

Она сидела на траве, жадно нюхая запахи нагретой желтеющей листвы и хвои. Вслушивалась в перекличку птиц, пытаясь понять: о чём это они? И понимала только одно: хорошо! Всем хорошо: и ей, и птичкам, и разным там жучкам-паучкам...

Однако нужно было вставать и идти домой. Куда? Самое странное, что Ягвиги совершенно точно знала нужное направление. Почему? Знала, и всё!

По дороге неожиданно встретился Дядь Лёшка. Но странный какой-то: неделю будто небритый, весь всклокоченный, в галошах на босу ногу. А глаза так и светятся от радости. Издалека завопил: — Кого я вижу?! Кузьмовна! Ох ты ж, ёлка с сосновыми шишками!

Вместо того чтобы удивиться (ба, знакомые всё лица!) или обрадоваться, Яша почему-то решила рассердиться. Или хотя бы сделать вид.

И она сделала. Буркнула:

— Иди куда шёл!

И сама себе удивилась: что это у меня с характером?

— А я, между прочим, не куда, а—откуда! От Змея.

— От Эверестовича, что ли?

— Во, я так и говорю: от Горыныча.

— И как он?— всё так же сварливо, но уже с интересом спросила старуха.

— А чего ему, головастому? Живёт себе. Сам с собой ссорится, сам промеж себя учёные беседы ведёт. Так что ему не скучно.

Бред какой-то! Какие головы? Чего он несёт? Выпил, видать, лишнего.

Ягвиги пожалла плечами, но уточнять ничего не стала. Лень было. Да и погода такая, что хотелось просто идти и любоваться природой, а не тратить время на пустую болтовню с пьяным мужиком. Кинула небрежно:

— Ну, привет от меня Эверестовичу, как увидишь.

— Ага, передам всенепременно!

Но надо бы пару слов сказать про то, что случилось с Серпантионом Эверестовичем и Дядь Лёшкой.

Дядь Лёшка, как мы помним, пошёл в ближний лесок за своим любимым посохом. Он шёл и почему-то совсем не узнавал привычных окрестностей. Вначале решил было, что это—нервное, от большой печали. Так бывает: расстроишься сильно—и уже ни себя не помнишь, ни окружающего ландшафта.

А потом понял, что заблудился. Кинулся в одну сторону, в другую... И вдруг увидел перед собой красивый замок, стоящий на скале. Подумал: «Какая интересная галлюцинация! Надо подойти, рассмотреть поближе, пока не растаяла».

Таять галлюцинация почему-то не стала. Оказалась натуральным замком. Серьёзное такое сооружение, старинное: шпили в небо, арочные окна. Всё как положено.

У входа, разложив головы в траве, дремало чудо-юдо о девяти головах. Дядь Лёшка как такое увидел—не сдержался, высказался негромко и непечатно:

— Твою... да под распиленную ёлку!

И только собрался благоразумно дать дёру, как девятиглавый змей одну из своих многочисленных голов из травы поднял, глаза открыл и страшно обрадовался:

— Леший, ты, что ли?

— Ну, предположим так... А ты?

— Не узнал?

Тут Дядь Лёшка не сдержался во второй раз: — Ах ты ж... чтоб меня переколбасило—никак Горыныч?

— Он самый!—осклабил всеми проснувшимися мордами Серпантион Эверестович.— Заходи в помещение, гостем будешь!

В долгой застольной беседе выяснилось, что Серпантион Эверестович своего чудесного превращения вразумительно объяснить не может. Вышел он тогда с Ягвигой Космовной водички попить из колодца. И вдруг как налетело, как закружило... Очнулся—перед ним вот этот замок, а сам он—чудище многоголовое. Такими в русских сказках богатырей пугают.

— И как тебе в таком непотребном виде?—решил посочувствовать Леший.— Не тяжко, нет? Не противно?

— Не. Наоборот. Мне даже нравится. Во-первых, я летать могу. Во-вторых, это моя истинная сущность. Я, как оказалось, всегда таким был, только скрытно, в душе. А в-третьих, я, если надо, могу и в человеческую ипостась преобразиться. Вот, смотри!

Девятиглавый дракон встряхнулся и действительно принял вид рослого полноватого старичка. То есть стал в точности таким, как был тогда, когда проживал в пансионате Софьи Ивановны.

— Ты даёшь, однако! — восхитился Дядь Лёшка.
— А то! Я это дело так понимаю: мы с тобой оба попали в Сказку и теперь тут живём.
— Я думаю, за это дело непременно нужно... ещё по семь капель? — предположил Леший. — Или как?
— Категорически поддерживаю! — одобрил Змей Горыныч.

И достал из-под стола недопитую бутылку.

А Ягвиг Космовна шла себе дальше. Потом на пути у неё возникла Цецилия Орхидея. Кикилия Бенедиктовна. Она стояла при дороге, глядела из-под руки вдалёк. Увидев старинную свою приятельницу, обрадовалась:

— Здравствуй, Яша! Я всё жду, жду тебя...

— А ты здесь каким ветром?

— О, этот ветер странствий! — голосом, исполненным романтического раздумья, воскликнула поэтесса. — Где же мне ещё быть, как не с тобой, моя подруга дорогая? Тому миру я глубоко чужда. А тут... — она на миг замолчала и продолжила уже тоном попросе: — А тут такая оказия случилась... В общем, я теперь тутошняя кикимора. Ой, умора, кому рассказать!

— И как оно?

— А хорошо, чего Бога гневить? В гости не зову, тесно у нас, сама понимаешь: мы с мужем, деток куча, сама со счёту сбилась сколько штук, да плюс мама. Так что уж лучше я к тебе. А?

— А, — Яша махнула рукой. — Приходи, куда от тебя денешься?..

И пошла дальше.

На пороге избушки на курьих ножках сидела сердитая женщина преклонных лет с узелком. Видно было, что она сидит тут давно и чего-то ждёт.

— Наконец-то, — проворчала она. — Вот где тебя носило до сих пор? Вещи твои третьи сутки здесь, а она всё шлындает, понимаешь, непонятно где!

— А вы, собственно...

— Марфа Васильевна я. Бывшая баба-яга. Предшественница твоя. В общем, идём, принимать хозяйство будешь.

14. Смена караула

— Вампиры, могильные упыри и вурдалаки, ведьмы, маги, волхвы и прочие мозгокруты — это всё хозяйство Велесадара. Так что ты на эту тему можешь даже не заморачиваться.

Они сидели в избе, друг напротив дружки, перед скатертью-самобранкой, пили чай с бубликами. Тут же стоял открытый сундук, откуда выглядывали разные волшебные вещи: яблочко на серебряной тарелочке, сапоги-скороходы, шапка-невидимка...

— А кто такой Велесадар?

— Стар-карачур. Ведьмак.

— А если по-русски?

— По-русски? — не поняла Марфа Васильевна. — А я по-каковски говорю? Главный колдун, чего не понятно?

— Понятно... — не слишком уверенно кивнула баба Яша.

Понятно было одно: кажется, сбывлась её заветная мечта. Мечтала же она сыграть роль Бабы Яги. И вот тебе пожалуйста, получите и распишитесь.

Ягвиг очень, очень хотела соответствовать новому своему статусу. И очень боялась, что у неё не получится. Вдруг ей не хватит чего-то: актёрского таланта, харизмы... ума, наконец?..

Она спросила осторожно:

— А моя работа в чём будет заключаться?

— Твоя-то? — бывшая баба-яга склонила голову к правому плечу, почесала себе затылок под платочком. — Наше дело простое: бдеть. Ну и кого куда послать, естественно. Это главное.

— Кого? Куда послать? Чего бдеть?

— Да какая разница? Основное предназначение бабы-яги — просто быть, потому как без неё русской сказки — не существует! И всё вроде как вокруг неё крутится, вертится... вертится, крутится... Что, опять непонятно?

Марфа поджала губы. Начала уже сердиться на бесполокостность своей сменщицы.

— В общем, твоё дело — следить за общим ходом жизни Сказки. Теперь понятно?

— Ну, хорошо, — сказала Ягвиг. — А как насчёт волшебства? Ведь баба-яга по определению должна уметь колдовать. Кто меня этому научит?

— Тут и учить не надо. Считаю, ты всё уже умеешь. Но если ты такая зануда, то заклинания на все случаи жизни вон в той книжке можешь подсмотреть.

— А вдруг у меня не получится? — опять усомнилась Ягвиг. — Я же никогда ничем подобным не промышляла. Даже трав лечебных не знаю.

— О, за этим дело не станет. Всё у тебя получится, можешь не сомневаться. А если что непонятно — ты по ходу дела можешь у кота Васьки узнать. Он здесь с незапамятных времён живёт, так что всё знает. Конечно, у него, я извиняюсь, характер. Но ты приноровишься постепенно, ничего... Это тебе вроде как презент!

«И что мне с тем подарочком делать?» — почему-то без особого восторга подумала бабка Яша. А вслух сказала:

— Спасибо, конечно. Но я больше собак люблю... — и добавила с тайной надеждой: — А вдруг он не захочет со мной оставаться?

— Куда он, на фиг, денется? — небрежно трянула рукой Марфа Васильевна: забирать кота с собой она точно не собиралась.

— Помимо Васьки, завещаю тебе козу Артемиду и вёрона Карлушу, ему в субботу сто пятьдесят лет будет. А равно и его супругу, Веронику, эта помоложе малость, ей не больше сотни, однако...

15. Сказочное утро

Яркий рассветный луч пролез через оконное стекло, вскарабкался на край кровати, а оттуда—на подушку. Яша спала сладко, как в детстве, тихо улыбаясь чему-то во сне.

Лучу жаль было прерывать такой хороший сон. Но потом он всё-таки решил немножко пошутить с бабушкой. Скучно же так просто сидеть!

Он заполз на щёку, пощекотал её, попрыгал на одной ножке. Однако это не возымело предполагаемого действия. Тогда луч сместился чуть в сторону и проделал то же самое на лбу спящей. Опять никакого результата.

Ну всё, осталось последнее средство, самое радикальное: пощекотать в носу.
— Апчхи!

Новая баба-яга наконец-то проснулась. Глянула в окно: Господи, благодать-то какая! Кряхтя и почёсываясь, слезла с койки, распахнула створки. В комнату ворвалась восхитительная свежесть раннего утра. Запахло сосной, полынью и ещё чем-то знакомым, полузабытым.

— Красота!— ахнула Яша.

— Лепота!— поддакнул кто-то.

Интересно—кто? Голос звучал со стороны неба, но совсем близко. Значит, с Бога подозрения можно снять: не Он это. Старуха свесилась за подоконник, задрала голову. Большой чёрный ворон удобно расположился на резном наличнике и смотрел на неё оценивающим взглядом сверху вниз.

— Доброе утро!

— Доброе,—немного растерялась баба-яга.— Значит, ты и есть мой говорящий ворон, как же тебя?.. Э...э... забыла, прости!

— Карл Иванович меня зовут. А кто тут чей—это ещё вопрос, который не мешало бы прояснить. Но сие не к спеху. Кстати, вечером я вас со своей супругой познакомя, сейчас она в отсутствии, гостит у дальней родственницы.

— Как же, помню, помню! Её зовут... кажется— Вика, да?

— Ну, можно и так сказать. А сейчас, сразу после завтрака, мы отправляемся с дружеским визитом к Велесадару. Нужно, чтобы вы с ним именно подружились, ибо от ваших взаимоотношений зависит атмосфера в пространстве Сказки.

— Это я тоже, кажется, помню. Главный колдун?

— Ведьмак,— уточнил ворон.— Стар-карачур.

— Как это—чёрный? Злой, что ли?

— Злой бывает волк или медведь. А ведьмак—он просто держит в повиновении все тёмные силы. Чтоб не зарывались.

— Ух ты!—одобрила Баба Яга.—Трудно, небось?

— Думаю—нелегко. Но наш ведьмак—молодец, справляется.

— Надо же,—неопределённо пробурчала себе под нос старуха.

И тут взгляд её упёрся в висящее на стене зеркало.

— Ой, что это со мной?

— При переходе из одной реальности в другую трансформация как внешней, так и внутренней стороны личности практически неизбежна,—тоном учёного доцента сообщил ворон.

— Умный какой,—удивилась Ягвига Космовна.— И слова вон какие знает, обалдеть можно!

И принялась изучать своё отражение. Нет, страшней, чем была, она не стала. Скорей наоборот, черты лица сделались резче, таким образом подчёркивался непростой характер пожилой женщины, привыкшей думать, рассуждать и иметь на всё собственную точку зрения. Даже шарм какой-от появился. Ну, или харизма, если угодно.— Смолоду не была красавицей—чего уж теперь!—успокоила Баба Яга своё отражение и пошла завтракать.

Она развернула на столе скатерть-самобранку, скромно попросила себе стаканчик кофе и парочку творожных блинчиков со сметаной.

— А вам, Карл Иванович, чего бы хотелось?—обратилась она к ворону.—Прошу откусать чем Бог послал!

— Благодарствуем. Как-нибудь в другой раз,—отозвался тот.—Жду на крыльчке.

16. Два слова об Избушке и прочих полезных вещах

Пока баба Яша, точнее—Баба Яга, завтракает, самое время прояснить кое-что. Ну, хотя бы про саму Избушку на курьих ножках.

Первое. Это практически одушевлённое существо, имеющее свой характер, свои симпатии и антипатии и вообще—собственное мнение обо всём на свете.

Второе. Примечательно, что изнутри она совершенно не такая, какой кажется снаружи. Снаружи-то она простая, как алфавит: дверь, крыльчко, два подслеповатых оконца. Ну и знаменитые куриные ноги, разумеется.

А вот интерьер свой она может менять в зависимости от собственного настроения или от настроения бабы-яги (которую она, Избушка, к слову сказать, считает скорей подругой, нежели хозяйкой!), а также от характера каждого заявившегося к ним гостя. К примеру, может быть тесной, тёмной, как берлога, закопчённой, затянутой паутиной. А может быть просторной, уютной и светлой, как сейчас.

Суть же её при всём при этом остаётся неизменной.

Намедни состоялось их первое знакомство. Новую свою обитательницу Избушка приняла вежливо, но с любопытством: мол, кто ты такая? Яша сразу поняла, что со сказочным жилищем нужно найти общий язык, иначе—дело дрянь.

Она первым делом протёрла везде пыль, похлопала половички. Пол помыла. Печку растопила. И при этом не устала хвалиться: — Ах ты ж, моя Избушечка! Какая же ты славная! Какая ты у меня умница-разумница! Красавица ты моя писаная!

Похоже, что эта откровенная лесть произвела нужное действие: Печь весело запела, избушка потеплела, посветлела. Стало хорошо и уютно.

Притомившаяся в хлопотах Баба Яга вымыла руки, переделась в чистое, уселась с ногами на диванчик, откинувшись на спинку, и наконец почувствовала: всё, она—дома!

Скатерть-самобранка к новой хозяйке с самой первой минуты отнеслась лояльно, с пониманием. Тем паче что разговаривала та со своей кормилицей уважительно и очень интеллигентно.

Яблочко на серебряном блюдечке тоже не стало вредничать: покатилося, закрутилося, показало всю панораму Сказки.

И с шапкой-невидимкой Ягвиги Космовна наигралась вдоволь:

— Ой, тью-тью Яси! Где у нас Яся? Ку-ку! Вот она, наша Яся!

Гусли-самогуды порадовали старушку музыкой, от которой ноги сами в пляс идут, будто лет двадцать с плеч долой!

Меч-кладенец подержала в руках—тяжёлый, зараза! Но вынимать его из ножен и размахивать поостереглась.

И сапоги-скороходы не рискнула испытывать: пёс их знает, а вдруг они выкаблучиваться начнут, брыкаться?.. Да и куда старухе в них ходить? Некуда. Вот кому надо будет—тот пускай и проверяет волшебную вещь на дееспособность.

Испытание ковра-самолёта также решено было отложить до поры до времени. Ибо—не к спеху.

Но если с Избушкой и прочей волшебностью договориться получилось, в общем-то, без проблем и практически сразу, то с летающей ступой всё оказалось немного сложнее. Средство передвижения оказалось малость строптивым.

Вначале она нипочём не хотела выкатываться из сарайки, где была припаркована. Кое-кое-как, буквально из последних сил, старушка вытянула упряmicу на свет Божий.

А потом Бабе Яге долго не удавалось в неё забраться: только она ногу поднимет, чтобы шагнуть внутрь летающего механизма, как механизм этот либо подпрыгнет, либо отшатнётся, либо вообще—упадёт и покатится по дороге: иди, догоняй, поднимай, ставь опять в вертикальное положение.

Помог говорящий ворон. Он сказал: — Так—бесполезно. Чтоб эту заразу уконтрапупить—её нужно метлой как следует отходить!

— А не обидится она на меня?—засомневалась Ягвиги.

— Не. Наоборот—хозяйскую руку почувствует. Это как норовистая лошадь: пока не зауважает седока—ни за что не подчинится.

Метла нашлась под кроватью. При виде бабы-яги с метлой в руках ступа неуверенно качнулась с намерением улизнуть. Однако это ей не удалось. Яша сама от себя такой шустрости не ожидала: подскочила в три прыжка и давай охаживать ступу, приговаривая:

— А вот тебе, вот тебе!

— Ступа даже подпрыгнула на месте.

— Ах, ты ещё и прыгать?! Вот тебе, вот тебе! Будешь меня слушаться, шалава летучая? Я в последний раз спрашиваю: будешь?

— Буду,—выдохнула наконец та и присмирела.

И стала как шёлковая: ни на земле больше никаких подлянок, ни в воздухе не тряхнёт, не укачает!

17. Первый визит

«И как-то ещё меня примет этот чёртов старикан?—летя вслед за вороном на своей только что укрощённой ступе к домику стар-карачура, напряжённо думала баба-яга.—Опять же не факт, что и он мне понравится. А вдруг у нас с ним окажется психологическая несовместимость? Что тогда?»

К удивлению, Велесадар оказался вовсе даже не стариком. Стройный, широкоплечий, высокого роста мужчина лет тридцати с хвостиком. Длинные волосы, перехваченные на лбу ремешком. Загорелое, немного хмурое лицо славянского типа, жёсткие губы, большие серые глаза.

В общем, впечатление он производил вполне приятное. Подумалось даже: «Девки, поди, табуны за ним ходят и сами в штабеля складываются!» — Чайку с устатку?—любезно предложил ведьмак, после того как ворон представил их друг другу.

— Пожалуй, можно...

— Или что покрепче?

— За знакомство?—уточнила баба-яга.

— Ну, как-то так...

Велесадар сходил в погреб и принёс оттуда бутылочку домашнего вина.

Незаметно перешли на «ты». Теперь она называла его—Лесик, а он её—баба Яша. Лесику-Велесадару старая карга напоминала чем-то его добрую, давно умершую бабушку. А баба Яша старалась увидеть в нём сына, но это как-то слабо получалось: сложность состояла в том, что детей у Ягвиги Космовны никогда не было.

После второй или четвертой рюмочки разговор штопором ушёл в высокие сферы.

— Баба Яша, а ты в Бога веришь?—спросил ведьмак.

— Да. Но без фанатизма. То есть лично я против Христа ничего не имею. Равно как и против Будды. И кто там у нас ещё? Магомет? Юпитер?

Виципуцли? В общем, дай Бог им всем здоровья и долгих лет жизни.

Велесадар одобрительно закивал:

— Вот-вот! И всё это можно объединить одним словом...

— Каким?—старуха прикрыла рот ладошкой и этично не то зевнула, не то икнула (трёх рюмочек ей оказалось достаточно и даже более того!).

— Сказка!

— В каком смысле?—не поняла Ягвига Космовна.—Враньё, что ли? То есть я хотела сказать—выдумка?

— Сказка не выдумывает. Она лишь открывает сокровенное. Так понятно?

— Даже не знаю, что тебе сказать...

Молодой колдун посмотрел на неё несколько обескураженно. И терпеливо продолжил втолковывать бестолковой старухе прописные истины:— Сказка—это точка отсчёта. Именно от неё танцуются всевозможные философские танцы.

— С музыкой?—вежливо предположила Ягвига Космовна.

— Баб Яш, не сбивай с мысли!—Лесь досадливо поморщился.—Так вот. Из данной точки философы рисуют два противоположно направленных вектора и от этого уже, что называется, пляшут.

— Под музыку!—опять не удержалась баба-яга.

— И возникает то самое единство противоположностей,—по-лошадиному мотнул головой Велесадар,—которое движет миром. Плюс—минус. Чёрное—белое. Тьма и Свет. Добро и Зло... Ну что, ещё по одной?

— Однако, хватит. А то я дорогу домой не найду.

18. Замок змей-горыныча

Замок змей-горыныча расположился на окружённой с трёх сторон лесом скале. Потому что с возвышенности легче взлетается.

С четвёртой стороны раскинулось Змеёво озеро. Довольно живописное, с каменистыми берегами. По слухам, в нём водится какая-то огромная тварь, похожая на плезиозавра, хвостатая, с длинной шеей. Иногда по ночам она якобы выныривает на поверхность, громко булькает и шлёпает чем-то по воде, пугая прохожих, а также и русалок, которые, к слову сказать, именно по этой причине почти все уже переселились в соседние озёра.

Замок не слишком большой и не слишком уютный, как, наверное, все старинные замки: узкие окна, высокие потолки, обитые железом массивные двери, каменный пол... И никакой тебе мягкой мебели, персидских ковров или портьер.

В спальне—огромная кровать, деревянная, с соломенным матрацем и девятью (на каждую голову по одной) жёсткими подушками. Стол в столовой тоже громоздкий, тяжеловесный, без скатерти и клеёнки.

В общем, интерьер, прямо скажем, так себе. Никаких удобств. Даже сортир, я дико извиняюсь, во дворе.

Но Горыныч—ничего, освоился. Ему с его масштабами другое бы и не подошло. Да и не привык Серпантион Эверестович себя баловать излишней роскошью.

А спать на жёстком—это даже полезно для позвоночника.

Вот лежит Змей Горыныч, раскинулся головами по подушкам, смотрит в каменный потолок, думает. Строит планы на будущее.

Во-первых, хорошо бы библиотеку собрать, книжек раздобыть разных умных—научных и не только. Чтобы было что почитать. И мозгам тренировка, и душе—удовольствие.

Во-вторых, цветочки надо посадить перед окнами, чтоб цвели и пахли. От этого бывает радость.

Окна, опять же, хорошо бы сделать открывающимися, а то душно.

Ну а главное (и это уже не то в-третьих... не то в-четвёртых)—надо бы побыстрее заколотить проклятый винный погреб, оставленный от прежнего хозяина (кто такой—бес его знает). Потому что если этот океанный погреб не заколотить в ближайшее время, то дело—дрянь! Ибо бутылок там—видимо-невидимо, а вина всё отборные, одно другого лучше. Где ж тут удержаться? Так ведь и спиться недолго. Оно и так уже...

В общем, заколачивать надо срочно. Прямо сегодня. Во-от такими гвоздями! Чтоб больше уже не открыто было. И забыть!

Нет, ну можно, конечно, перед этим достать пару-тройку бутылок на всякий случай: вдруг—гости?

19. О чайнике, самоваре и путях постижения Непостижимого

—Кстати, о дороге,—авторитетно заметил ведьмак.—Путей постижения Непостижимого много. И все они, в общем-то, правильные. Но подаются они столь мудрёно, что сам подающий не может понять и половины того, что вещает.

— Ай-яй-яй!—огорчилась Ягвига Космовна.—Так-таки и не может?

— Не-а,—развёл руками Лесь.—А я люблю, чтобы всё было просто и понятно, как чайник. Ну, в крайнем случае—как самовар,—он повернул ручку краника и долил себе в кружку кипятка.—Итак, исходим из того, что существует нечто *непостижимое* в принципе. То есть—ну совершенно никак!

Выпитые пять рюмочек сделали Велесадара чуть больше нормы болтливый.

— Так вот. Есть два способа делать вид, что ты про это Непостижимое знаешь всё-всё-всё. Или хотя бы что-то. Первый способ—научный, когда учёные мужи (и жёны тоже!) пытаются что-то из себя изображать и делать выводы обо всём

на свете. В том числе и о порядке Мироздания. Что в принципе—невозможно. Я понятно говорю? — Понятно, понятно,— лениво закивала баба-яга.

А про себя подумала, что не такой это простой, как было обещано, самоварчик. И уж тем более—чайник!

— Вот,— Велесадар поднял вверх указательный палец, словно ответ на поставленный вопрос был написан на потолке.— И любят они называть это своё блуждание в потёмках—просвещением. Факел бы им в руки, как говорится. Но... В общем, поскромнее надо быть...

Ведьмак сердито замолчал, густо намазал хлеб черничным вареньем, два раза откусил, запивая чаем. Похоже было, что говорил он сейчас о наболвшем. Причём наболело оно—сильно.

— Но есть ещё Сказка. Это другой путь. Тут всё элементарно просто: каждому предлагается включить фантазию и поставить себя на место Господа Бога. Как бы ты поступил? С чем из бесчисленного множества субстанций позволил бы поиграться своим, так сказать, возлюбленным чадам без риска поехать крышей далеко и без обратного билета? Ну? — Ну? — бесцветным эхом отозвалась старуха.

Такая длинная тирада её малость притомила. — При этом ведь нужно, чтобы живое существо имело шанс выжить. Что, а?

Вопрос показался ей риторическим, и Баба Яга ничего не стала отвечать. А распалившийся Лесь с удовольствием сам взялся перечислять все пять способов познания окружающего пространства: видеть глазами, слышать ушами, нюхать носом, пробовать на язык и осознать кожей. И—как бонус—мозги (в часы досуга размышлять о своём месте под солнцем, ибо про себя самого ведь тоже иногда кое-что узнать не вредно).

Ведьмак говорил умными словами, красиво, вдохновенно и очень долго.

А Ягвига Космовна тоже знала много умных слов—не зря же всю жизнь проработала в библиотеке.

— Мне глубоко симпатична твоя нестандартная концепция,— прервала она его пламенную речь на самом интересном месте.— Но я рискую предположить: а вдруг изначально человеку от того же Бога было дано больше? Столько было дано, что бедный мозг уже не знал, что со всем этим счастьем делать. Но тут очень вовремя пришла фея-спасительница Лень (по научному—Эволюция) и всё лишнее отключила. Существует же теория, что человеческий мозг используется на десять-пятнадцать процентов. И лишь в экстренных случаях включается что-то дополнительно—например, интуиция. — В этом что-то есть,— Велесадар задумался.— А ты, баб Яша, не такая простая, как кажешься, да? — Ась?—придурковато улыбнулась Баба Яга, вспомнив, кто она теперь, и поспешила вернуться

в образ.—Я слушаю, слушаю. Ой, глубоко копаешь, хлопчик! Так и до самого ядра, не ровён час, докопаешься. Если лопата не расплавится, конечно...

Вволю наговорившись, ведьмак отпустил-таки старушку восвояси.

20. В гости

И тут—стук в дверь. Никак гости?

Вставать не хотелось. Однако—пришлось. Змей Горыныч тяжело оторвался от кровати и пошлёпал к входным дверям.

На пороге стоял Леший, несмотря на ранний час—бодрый, весь такой позитивный, улыбающийся во всё лицо. В руке—не то корзинка, не то авоська какая-то, полная грибов.

— Ты стучал?

— Я. А ты, что ли, не рад старому приятелю?

— Да рад я...

— Пройти-то можно?

— Проходи. А грибы кому? Если мне, то я не большой охотник с ними возиться.

— Не охотник—и хорошо! Я вообще-то Кузьмовне насобирав. Не желаешь вместе со мной до неё прогуляться? Пообщаемся, чайку попьем!

— Ну, в принципе...

— Тогда собирайся по-быстрому, я подожду.

Змей задумался:

— Может, мне с собой бутылочку прихватить, как ты думаешь?

— Прихвати. Дело хорошее.

— Это как посмотреть...—вздыхнул Серпансион Эверестович, и настроение у него подпортилось.— Или, может, лучше—ну её?

— Ну, если зажмотил—то чёрт с тобой,—не стал спорить Дядь Лёшка.—Идём так.

— Да не зажмотил, при чём тут это?—совсем расстроился бывший профессор и безнадежно махнул рукой.

Леший, однако, не обратил на его душевные муки никакого внимания. Спросил:

— И как тебе на новом месте?

— Как видишь...

— Вижу, вижу. А я тоже ничего себе обосновался! Нашёл чьё-то брошенное жилище. Вполне себе исправное, крепкое и не протекает. Кроме того, пару избушек планирую срубить в разных концах леса. А тут ещё, недалеко от тебя, дупло есть—большущее, глубокое. Я в него сена натаскал. Славное гнёздышко получилось: тепло, сухо. Всё как я люблю.

— Ты, что ли, белка? Или ворона?—скучно поинтересовался Змей, продолжая собираться.— Для чего тебе гнездо?

— Мало ли? Например, пойду к тебе в гости, а на обратном пути непогода настигнет. Или просто не захочу до избы тащиться. Вот и заночую.

Наконец Змей Горыныч собрался.

— А ты, кстати, как мыслишь до Кузьмовны добираться: пешком или по воздуху? — как можно более безразличным тоном спросил Леший.

— По воздуху, разумеется.

— А я?

Дядя Лёшка произнёс это так, чтобы у Змея внутри непременно что-нибудь проснулось — или совесть, или чувство сострадания к ближнему.

И что-то действительно проснулось:

— Да подвезу я тебя, не плачь. Садись уже.

Леший радостно вскарабкался на широкую чешуйчатую спину и крепко ухватился за среднюю шею. Горыныч тяжёлыми шагами подошёл к краю скалы, взмахнул огромными перепончатыми крыльями, оттолкнулся. И они полетели.

21. Честная компания

Кикимора заявила аккуратно к обеду. Баба Яга только-только разложила на столе скатерть-самобранку и задумалась над меню, как дверь без стука отворилась и внутрь избушки всунулась любопытная очкастая физиономия:

— Как дела, подруга?

— Тьфу ты, напугала! Стучаться надо!

— Хорошо, — не стала спорить гостя. — Тук-тук!

И она пару раз коснулась костяшками пальцев дверного косяка.

— Заходи уже, — проворчала Ягвига. — Садись. Суп на тебя заказывать?

— Лучше чай. С лимоном. И пирожное «Птичье молоко», я его обожаю!

— А ничего не слипнется?

— Яш, ну ты чего — не с той ноги встала?

— Ладно, чёрт с тобой, — махнула рукой старуха. — Скатёрка, в общем, мне — борщ со сметаной, хлебца, само собой. И компот на десерт. А этой кикиморе болотной выдай чего она просила. Чай там, пирожки. Только без фанатизма. А то она растолстеет, станет круглая, как шар, будет у меня по двору кататься. Мячик в очках — представляешь зрелище?

— Не, Яша, мне это не грозит! — радостно откликнулась Кикилия Бенедиктовна, с аппетитом следя, как на столе возникают её любимые лакомства. — У меня конституция такая. Не толстею я.

— Ничего, вот изберут новую Думу — она твою конституцию-то перепишет!

Баба Яга зачерпнула ложкой красивого ярко-красного борща со сметаной, отломилла хрустящую горбушку.

— Опять эти твои политические шуточки, — отмахнулась Кикимора, прикидывая, с какого пирожного начать трапезу. — Не смешно. Ой, глянь-ка, никак Эверестович сюда летит. А кто это на нём? Ну конечно, Леший, кто ж ещё!

И действительно. С неба грузно опустилась девятиголовая летающая машина с пассажиром на заправке.

— Привет, бабоньки!

— А, чтоб тебя! — высунулась из окна Баба Яга. — Смотришь надо, куда садишься! Вся бруснику мне вытоптал, ирод крылатый!

— Да мы это...

— Грибочки вот, свеженькие...

— Ладно, заходите. Сегодня я на удивление добрая и гостеприимная. Да ноги вытирайте, я вчера только полы намыла. А ты, жертва Чернобыльской катастрофы, скидывай с себя свою многоголовую жуть, иначе не пущу.

Леший кинулся с усердием вытирать ноги о тряпку под порогом. А Горынычу что-то вдруг не захотелось трансформироваться в человека, потому он предложил:

— Может, лучше — на природу, а? Организуем пикничок. Погода стоит — когда ещё такой дождёшься? — чуть помолчал и добавил неуверенно-провокационно: — У меня и бутылочка есть... на всякий случай прихватил!

Баба Яга, у которой голова не отошла ещё после давешней беседы с ведьмаком, в душе поморщилась, но промолчала.

Зато Кикимора заныла, симулятивно держась за колено:

— Ой, а у меня нога...

— У меня целых две ноги, и что? — удивился Дядя Лёшка.

— Я это к тому: а может Змёюшка наш и меня прокатит?

— Отвезу! — великодушно пообещал девятиглавый дракон.

И они полетели. Леший и Кикимора — на Змее Горыныче, а Баба Яга — автономно, в ступе.

— Смотрите, какие удивительные птички вон там, вдалеке. Леший, это что за порода?

— Даже не подкажу! Но красиво летят, ёлы-палы!

22. Четыре птицы

Четыре странные птицы перелетели через Змеево озеро и опустились на солнечном берегу под столетним дубом. Вблизи стало видно, что это Гамаюн, Сирин, Алконост и Финист.

— Девочки, может, искупаемся?

— О да!

Птицы сбросили оперение и превратились в четырёх женщин сказочной красоты.

Вода была тёплой и прозрачной, дно — песчаным, окружающий пейзаж — волшебным. Наши сказочные красавицы бутыхались, брызгались, прыгали, визжали, совершенно как простые деревенские девки.

Искупавшись, они улеглись на траву, стали греться в горячих лучах, сушить волосы.

— Что новенькие? — спросила Софья Ивановна. — По-моему, вполне, — живо отозвалась Верочка. — Обустроились. Привыкают к нашим правилам, осваиваются.

— А наши влюблённые? У них как дела?

Любаша блаженно потянулась, ответила:

— Тоже превосходно. Скоро свадьба. Марфа Васильевна ходит, вся светится от счастья, как новая люстра. Всё представляет, как внуков будет нянчить.

— А как мы будем объяснять, куда девался Змей Горыныч, да не один, а со всеми шестью головами?— подала голос Надя.

— Ну, скажем так: пал геройской смертью на Калиновом мосту, защищая родную Сказку,— предложила Вера.

— Печально. Но впечатляет.

— Объавим трёхдневный траур...

— Шести,— подсказала Люба.

— Что—шести?

— Шестидневный траур. По числу голов.

— Это юмор такой? Смешно...

— А не пора ли нам, девочки, продолжить дежурный облёт?—спросила Софья Ивановна и сама себе ответила:—Пора!

Красавицы опять превратились в больших сказочных птиц и полетели.

Сверху им было видно всё как на ладошке. Вон—замок Змея Горыныча вонзается в небо своими шпильями. Чуть в стороне—Избушка Бабы Яги на зелёной полянке, через которую протекает маленький, но очень чистый, никогда не высыхающий ручеек. Столетнее дерево с дуплом—там Леший ночует, когда ему лень тащиться до дому. Усадьба Кикиморы—Цецилии Орхидеи...

Сказка—огромна. И не имеет видимых границ.

А хочешь—возьми её в ладонь, спрячь в кулаке, как горошину, и унеси с собой. Пусть она всегда будет рядом. Ты храни её. А она—будет хранить тебя.

Эпилог, который хотел быть прологом...

Они сидят в городском парке, на скамейке, под отцветающей яблоней. Четверо детей—три мальчика и одна девочка. И с ними—старик. Высокий, сухопарый, седой. Прилично одетый, в чистом, немного старомодном клетчатом костюме, на голове простая соломенная шляпа.

Но какой-то он странный. Какой-то неправильный. И даже не сообразишь сразу, что в нём не так.

Вроде бы старик как старик, каких много. Вообще ничего примечательного. Вот разве что на левом запястье—пятно в виде серпа-полумесяца. И непонятно: или это старый шрам, или такая родинка?

Да ещё глаза...

На первый взгляд—тоже ничего особенного: усталый старческий взгляд, бледно-голубые, выцветшие от времени радужки. Но если внимательно присмотреться, становится очевидно, что всё это—лишь видимость. Своего рода линзы-обманки. А под ними—бездна.

Но детям на такие вещи обращать внимание некогда, да и незачем. У них другие интересы в жизни.

Старик рассказывает сказку. Говорит он, может быть, речесчур нарочито, как не слишком хороший актёр. А дети тем не менее сидят, слушают. Вежливые такие ребяташки, воспитанные.

«Когда-то давным-давно на нашей голубой планете царила Смерть. Но Солнце, Великий Бог и Создатель Всего Сущего, захотело, чтобы здесь поселилась Жизнь.

И Земля ожила.

Смерть вначале была возмущена тем, что кто-то так грубо нарушил её царственное уединение, но вскоре поняла: Жизнь—очень вкусное лакомство.

Чем больше Смерть ела, тем больше становился её аппетит. Наконец Жизнь взмолилась:

— О Солнце! Ещё немного—и жадная Смерть уничтожит меня. Не дай же мне погибнуть!

— Хорошо,—ответило Солнце.

И оно загнало Смерть внутрь планеты.

Но Жизнь должна была кормить это чудовище: оголодав, оно могло вырваться из своего заточения и натворить ужасных бед.

Так воцарилось Великое Равновесие: Жизнь давала пищу Смерти, а Смерть, в свою очередь, ткала ту материю, из которой Жизнь шила одежды для всего сущего, рождающегося на Земле.

И Земля расцвела и наполнилась звуками и красками. И так она была прекрасна, что дети Солнца, солнечные лучи, тоже захотели жить на ней.

— Пусть Жизнь сошьёт одежды и для нас!—попросили они.

— Хорошо,—сказало Солнце.—Да будет так. Живите. Только постарайтесь не забыть, кто вы!

И солнечные лучи стали жить на Земле. В людском обличии.

Лучи...

Люци...

Люди...

Люди оказались самыми добрыми обитателями голубой планеты, потому что им не нужно было убивать даже растения: вполне хватало воздуха, воды и солнечного света.

По вечерам, уходя на покой, Солнце оставляло своим детям частицу самого себя, чтобы ночью им не было холодно и страшно. И потому у каждого над головой ярко сияли во тьме три луча: красный, жёлтый и синий.

О счастливыцы! Они никогда не болели, не знали голода и тоски. И страха смерти дети Солнца тоже не ведали, потому что им даровано было бессмертие.

Вся Земля, прекраснейшая из планет во Вселенной, принадлежала людям. Только одно место было

для них строго заказано: глубокое ущелье среди высоких скал, где росло одинокое дерево. Даже приближаться к нему запрещалось под страхом самого ужасного наказания.

И, конечно же, в конце концов возникло любопытство: а что там? Почему туда нельзя?

Однажды, когда Солнце скрылось за горизонтом и наступила самая длинная ночь в году, люди собрались в одну большую группу и поспешили к заповедному ущелью.

Они пришли и увидели недалеко от кривого одинокого дерева, прямо на земле, большой железный люк.

Крышка у люка оказалась очень тяжёлой, но всё-таки мужчины поднатужились и подняли её. И открылась бездна. Она уходила в самую глубь Земли и была так черна и беспросветна, что у заглянувших в этот колодец закружилась голова и тошнота подступила к горлу.

Люди решили уже захлопнуть крышку и поскорей отправляться обратно, пока Солнце не встало, не увидело их здесь и не прогневалось заслушание.

Но только они собрались это сделать, как из бездны вынырнул маленький толстенький лысенький человек и сказал весело:

— Здорово, народ! А хотите, я вас кое-чему научу? Подойдите-ка к дереву, сорвите-ка с него по пригоршне сладких ягод да съешьте. И вам откроется Истина!

Все пожали плечами, а самые смелые подумали: „Ну, сорвём мы две-три ягодки — и что?“ И стали есть запретные плоды. От этого в головах поплыл туман, сделалось ужасно весело. Ослушники принялись смеяться, плясать и петь песни.

Остальные, глядя на них, подумали: „Кажется, им очень хорошо. Надо бы нам тоже попробовать!“

И стало так шумно, что проснулась маленькая белая птичка, которая спала на дереве.

— Безумцы! — испуганно зашебетала она. — Что вы наделали?! Радость жизни, ни с чем не сравнимое счастье быть частичкой самого Солнца вы променяли на пустое веселье от пригоршни переспелых, перебродивших ягод! Теперь обречена пуповина, оборвана та связующая нить, что протянута была меж вами и вашим Богом! Вы погубили себя!

Люди, услышав это, затихли и посмотрели друг на друга. И увидели, что все синие лучи у них над головами потускнели и погасли, и теперь в ночной темноте светятся уже не три, а только два: красный и жёлтый...

И тут же все почувствовали ужасную слабость. И стало холодно. И в животах появилось неприятное ощущение пустоты.

И заговорили так:

— Наверное, мы умираем! Ах мы, глупые, неразумные! Зачем же мы нарушили запрет, и пришли

сюда, и открыли этот проклятый люк, и выпустили подлого обманщика, который нас погубил?

Люди сели в кружок на землю и заплакали. Только сейчас они осознали, что нарушили запрет Создателя и потому — нет им прощения! И значит, наказание — неотвратимо».

.....

Старик ненадолго замолчал, будто что-то обдумывая, не то вспоминая. Потом продолжил.

.....

«Итак, люди сидели на земле и горько плакали от холода, голода и отчаяния.

Тогда всё тот же маленький лысенький человечек, вынырнувший из люка, сказал:

— Не плачьте: я вас погубил, я вас и спасу!

Он развёл костёр. Почувствовав тепло, люди немного успокоились.

Но в желудках по-прежнему урчало и ныло. Тогда человечек сломал ветку дерева, соорудил из неё лук, убил антилопу, которая паслась неподалёку, и приготовил жаркое.

Насытившись, люди опять повеселели, стали громко смеяться, петь и прыгать через огонь.

Вновь проснулась маленькая белая птичка и закричала:

— Что вы наделали?! Съев это мясо, вы перестали быть бессмертными. Вы заключили союз с самой Смертью. Отныне вы подвержены всем болезням, которые только есть на Земле, и значит, вы станете медленно и мучительно умирать от них! А кроме того — ваш ненасытный живот начнёт съедать вас изнутри, и вы будете жить в первую очередь ради него и слушаться его, как своего господина и повелителя!

Услышав такую речь, люди снова впали в уныние. Они посмотрели на светящееся небо, почувствовали неодолимый страх и поняли: это — страх смерти. Страх перед неизбежной расплатой.

А потом посмотрели друг на друга и увидели, что у каждого над головой погас уже и красный луч, и теперь осталось только по одному — жёлтому...

Люди кинулись рвать на себе волосы и плакать: — Как же мы предстанем перед нашим светлейшим Создателем? Что мы ему скажем? И что он скажет нам? Наверное, захочет уничтожить нас, и правильно делает: ведь мы не оправдали его надежд и растеряли почти весь подаренный нам божественный свет!

А проклятый маленький толстенький человечек громко рассмеялся и сказал:

— Какие же вы глупые! Бойтесь гнева Солнца? Но ведь вы — часть его самого. А значит, каждый из вас — маленький бог! Перестаньте-ка скуливать и почувствуйте себя достойными того, чьим подобием вы являетесь! А если вам недостаёт волшебного сияния, то я добавлю: вот, смотрите!

И он швырнул им под ноги золото и драгоценные камни. Всё это заискрилось и засверкало в разгорающемся свете утренней зари. Люди, увидев такую красоту, ахнули от восторга.

— Это называется богатством, — весело сказал человек. — Вы же слышите: „бог“ и „богатство“ звучат так похоже! Верьте мне: новый бог заменит вам Солнце и, в отличие от него, будет с вами постоянно, независимо от времени суток и погоды! Вместе с этими самоцветными камнями и золотом в вашу жизнь войдёт море удовольствий. И слава, и власть. И веселье, и радость. Так не стойте же, хватайте столько сколько может: богатства не бывает много!

Люди бросились подбирать рассыпанное золото, бриллианты, рубины, жемчуга, изумруды... Словно обезумев, они толкались, отчаянно дрались за каждый камешек. И вот уже пролилась кровь. И вот уже кого-то убили до смерти.

Маленькая белая птичка ещё пыталась перекричать весь этот рёв, все эти крики, стоны и злобную ругань.

— Опомнитесь, люди! — зывала она. — Что вы делаете?! Это фальшивые ценности, а вы продаёте за них своего Бога! И вы не просто продаёте Бога, вы предаёте самих себя, потому что, променяв истинные ценности на ложные, вы уже никогда не будете счастливы!

Но её, разумеется, никто не слышал и слышать не хотел. И никто не замечал того, что вот погас уже и последний, жёлтый, луч, и теперь ни над одной головой нет никакого света.

Никто не заметил и того, что взошло Солнце...»

Старик закончил говорить, поправил шляпу. Огляделся вокруг, словно он очень давно не видел этот мир так близко. Потом достал из кармана большие серебряные часы на золотой цепочке, открыл украшенную орнаментом крышку и стал внимательно что-то там разглядывать. Интересно — что? Ведь ни стрелок, ни даже циферблата у этих странных часов не было!

А дети сразу же, как только рассказчик умолк, нетерпеливо заёрзали, заботгали в воздухе своими тоненькими, свисающими со скамейки ногами. Им почему-то казалось, что сказка ещё вся не закончилась, и нужно было как-то попросить продолжения.

— Ну а дальше-то что? — дерзко спросил рыжий конопатый мальчишка и насупился от смущения.

— Дальше? — удивился старик.

— Ну да, дальше! — требовательно подтвердила девочка.

— Люди бы не смогли ведь так жить?.. Ну, без этого самого? — сурово предположил рассудительный белобрысый мальчик в аккуратной панамке.

— Да, наверное... — неуверенно согласился, а может быть — удивился, старик.

А куда ж ты попрёшь против таких веских аргументов?

Дети смотрели на него выжидающе, молча требуя продолжения.

— Значит, интересуетесь — что дальше?

— Ну да, — третий мальчик задрал край своей растянутой майки, почесал живот и застенчиво улыбнулся.

— Тогда — слушайте.

«Выпустив Смерть на свободу (а ведь тот толстенький улыбчивый человечек как раз был одним из посланников Смерти), люди тем самым обрекли на гибель всё живое — и самих себя в первую очередь. Более того, Смерть превратила людей в своё слепое оружие и с помощью него уничтожала Жизнь на Земле.

Катастрофа была неминуема, она приближалась стремительно и неотвратимо, и Солнце отвернулось от Земли, решив бросить её на произвол судьбы. Но вмешалась Сказка...»

— Сказка? — удивился мальчик в растянутой майке. — Ну да, Сказка, — подтвердил старик. — Правда, у неё много имён: иногда её называют Мечтой, иногда — Смыслом, но чаще — Мудростью.

— А как она выглядела? — спросила девочка, потому что это ведь очень важный вопрос для любой женщины, пусть даже для совсем маленькой.

— Как выглядела? — переспросил старик и задумался. — А точь-в-точь как жар-птица. Собственно, это она и есть, если говорить начистоту... Но слушайте дальше.

«Итак, Сказка решила заступиться за людей. Она полетела к Солнцу в его царственный чертог и стала просить:

— О Владыка, спаси Землю, не бросай её, ведь она так прекрасна!

— Да? — удивилось Солнце. — А надолго ли? И я уже ничего не могу сделать, потому что люди обрвали со мной все связи и возомнили себя (это даже смешно!) разумными. Однако разума им хватает только на то, чтобы набивать всякой мерзости свой ненасытный живот и скулить, что жизнь тяжела и невыносима и нет в ней ничего хорошего! — Но ведь Ты — Бог, Ты можешь всё! Сделай же что-нибудь.

— Разумеется, я Бог, — сурово ответило Великое Светило. — Но люди меня таковым не считают. Их бог — Жадность, ненасытная, всепожирающая Жадность. И только ей они намерены служить верой и правдой. Уйди, я не хочу больше об этом говорить. Мне горько видеть, как гибнет лучший из моих замыслов!

И Светило отвернулось, давая понять, что разговор закончен.

Но смелая, отважная Сказка не испугалась гнева Создателя. Она решила спасти Жизнь на Земле во что бы то ни стало! Она сказала так:

— Да, люди превратились в монстров. Всему виной коварный обман. Люди захотели быть Твоим подобием. Это дерзко, да. Но не забывай, что они — Твои дети. Конечно, у них нет Твоей мудрости и Твоего света...

Сказка на миг замолкла, подбирая слова. Потом продолжила:

— Разум их — тёмный. Но их ли это вина? Прости, но нельзя же, чтобы душа величайшего из Твоих творений была пуста, как голова куклы из папье-маше. Согласись: нельзя винить бедную марионетку за то, что она имеет лишь видимость живого существа!

Выслушав эти неслыханно дерзкие речи, Солнце недовольно нахмурило чело своё и собралось обрушить на бедную Сказку весь свой справедливый гнев. Но вдруг спросило:

— В твоих словах я слышу не только упрёк, но что-то ещё?

— Да! — ответила Сказка. — Я хочу просить Тебя о величайшей милости. Позволь мне заполнить пустоту людских душ Твоим Светом. И они из тупых монстров превратятся опять в лучшее из Твоих творений.

— Ну хорошо, — ответило Солнце. — В конце концов, никогда не поздно поставить жирную точку в этой печальной истории! Уйди, я подумаю. Подожди там, за дверью.

Солнце думало долго, очень долго. Сказка уже начала сомневаться в успехе своего дела, но тут прозвучало громкое и повелительное:

— Входи!

Когда Сказка вошла и опять предстала пред ликом лучезарного Создателя, она услышала следующее:

— Лети на Землю, свей гнездо на самой высокой горе и снеси три яйца. И пусть из них выведутся три птенца. Тот птенец, что проклюнется первым, будет самым сильным из всех. Но характер ему достанется изменчивый и непредсказуемый, как весенняя погода. К тому же у него сразу обнаружатся серьёзные проблемы со зрением. Потому он будет обречён носить очки розового цвета, которые периодически станут разбиваться или теряться, но потом опять находиться. И так всегда, до скончания веков. Ты назовёшь своего первенца Любовью и окрасишь его перья в царственный ярко-алый цвет, потому что именно Любовь должна править миром. Второй птенец будет почти такой же сильный, но в отличие от первого — более спокойный и уравновешенный. Хотя проблем со зрением у него окажется не меньше. И что хуже всего — в отличие от своего старшего брата, он ни за что и никогда не согласится признать свою

слепоту. Второго птенца ты одень во всё синее. И дай ему имя — Вера! А третий, последний, пусть возьмёт себе оперение цвета тёплого золота созревающей пшеницы. Он будет тих и ненавязчив, как луч света в затемнённой комнате. Это — Надежда. И пусть она станет искрой в крошечной тьме, глотком воды в знойной пустыне, потоком свежего ветра в затхлой душегубке, солнечным зайчиком на подушке умирающего... И пусть сама она умирает последней! Да будет так! А теперь — ступай. Как знать, может быть, тебе и твоим птенцам суждено стать связующей нитью между людьми и мной, их истинным Богом. Той ниточкой, которую они так опрометчиво оборвали, заключив союз со Смертью, тем самым подписав себе смертный приговор.

Вот так сказал Солнце, величайший из Богов, создатель всего сущего...»

Старик опять замолчал.

Рассудительный белобрысый мальчик солидно покачал правой ногой, потом левой. Наконец решил более ясно выразить своё мнение по данному вопросу. Он сказал так:

— Вот это да!

— Ну ништяк, классно наворочено! — поддержал его тот, что в растянутой майке.

Девочка была не столь категорична, она поправила свой капроновый бантик и спросила:

— Ой, а это правда так и было?

— Сказка! — презрительно скривился рыжий-конопатый. (Интересно, эти девчонки вообще чем-нибудь думают?)

— Конечно, сказка, — согласно покивал головой старик. — Но ведь Сказка — это больше, чем правда. Это — путеводная звезда в туманах Истины Мироздания...

Сказал — и сам понял, что перемудрил: рано ещё этим сосункам лезть в такие дебри, где и взрослый философ средней руки ногу ломает.

— А что потом? — рассудительному белобрысому не терпелось расставить все точки куда следует. — Ну, снесла она яйца — и что? Всё так в точности и стало, как повелело Солнце?

— Ну, как-то так... — развёл руками старик. — Что было предписано — то и свершилось. Впрочем...

Он, кажется, хотел что-то сказать ещё, но передумал.

— А, тогда и слушать больше нечего! — капризно вздёрнула носик девочка.

Она вообще не слишком любила сидеть и слушать, как говорят другие. Куда приятней было бы болтать самой о чём-нибудь интересном: про куклу Дину, например. Или про новые туфельки с золотыми пряжечками.

— Лично я иду покупать мороженое! Кто пойдёт со мной?

И она грациозно спрыгнула со скамейки.

— Ну, допустим, я пойду! — конопатый, если честно, тоже мало что понял из услышанного.

Он лениво встал и пошёл догонять девочку.

Белобрысый задержался чуть дольше, поправил сползающую на глаза панамку, сказал воспитанно: — Спасибо, всё было очень интересно.

И тоже ушёл вслед за девочкой.

А третий почему-то всё медлил, будто ждал чего-то ещё. Наконец он вздохнул, провёл босым ногтем большого пальца правой ноги по пыльной земле, почесал затылок. Потом неторопливо встал, сделал шаг, оглянулся. Пробормотал смущённо, не поднимая глаз:

— До свидания, дедушка.

Помолчал, как бы запнувшись, потом неуверенно добавил:

— Спасибо! — и, не оглядываясь, припустил вслед за товарищами — только голые пыльные пятки замелькали.

И стало тихо-тихо, так тихо, что пролетавшая мимо воробьяха решила, будто тут никого нет. Она опустилась на спинку скамейки и только тогда заметила старика. «Это ещё что за чучело сидит?» — неприязненно подумала птичка, недовольно передёрнула крыльями, чирикнула и полетела дальше.